

Глава VIII. Санчо Пансы ПРОТИВ ДОНКИХОТСТВА

“ — Я хочу, чтобы ты знал, Санчо: Не будет тебе никакого острова. — Хозяин, не беспокойтесь об этом. Я не хочу острова.

Мигель Сервантес

«Народная демократия»

На первый взгляд, в мае 1937 г. произошел обыкновенный термидор. На место революционного правительства пришла коалиция, заинтересованная в снижении, а затем и полном погашении накала революции. Однако сильнейшей фракцией майского режима были коммунисты, которые, при всей своей внешней умеренности, не отказывались от идеи превращения Испании в социалистическую страну (в их понимании слова). Правительство Негрина занялось деколлективизацией, но одновременно — и национализацией. Это было не только отступление от прежних революционных завоеваний, но смена вектора революции от самоуправления к этатизму, огосударствлению. Режим, который образовался в Испании в мае 1937 г., представлял собой раннюю форму «народной демократии» — режимов, получивших распространение в Восточной Европе после Второй мировой войны[1183].

«Народная демократия» — это просоветский режим, сочетающий либеральный фасад с авторитарно-этатистским содержанием. Соотношение фасада и ядра режима зависит от внешнеполитических факторов, и под влиянием Запада фасад даже может в определенных условиях одолеть ядро. Но в Испании развитие событий шло в направлении, обычном для «народной демократии».

Авторы, которые не согласны с тем, что применительно к Испании можно говорить о «восточноевропейском пути», обращают внимание на сильные позиции, которые в майском режиме Республики занимали некоммунисты. Однако они забывают, что и в Восточной Европе в 1945–1948 гг. коммунисты далеко не всегда господствовали в политической системе, прозападные политики занимали ведущие позиции в Венгрии и Румынии, сильные позиции в Польше и Чехословакии. Более того, принадлежность человека именно к коммунистической партии вовсе не определяла его последующую судьбу в государстве «народной демократии». Такие лидеры, как О. Гротеволь и П. Грозу, не принадлежали к компартии, зато тысячи восточноевропейских коммунистов пали жертвой чисток 1948–1954 гг.

«Народная демократия» представляла собой не просто вытеснение союзников коммунистическим «кукушонком», а синтез двух этатизмов — коммунистического и социал-либерального на просоветской платформе. В такой режим вписывались те, кто был готов служить этой модели, и репрессировались даже коммунисты, если система подозревала их в излишней революционности или инакомыслии. Причиной репрессий могли быть и клановые конфликты, при этом бывшим членам компартии в объединенной «социалистической» или «рабочей» партии вовсе не был гарантирован успех.

Поэтому важнейшую роль в развитии режима «народной демократии» играет контроль над силовыми структурами. Первоначально майские победители были вынуждены отдать контроль над Службой безопасности Республики коммунистам. Но это вызывало опасения у партнеров компартии. В остальном силовой блок оказался в руках приетистов — И. Прието и Х. Сугасагоити. И на это уже без восторга смотрел Х. Негрин и близкие к нему социалисты, превратившиеся в центр новой политической конструкции. В июле даже произошел конфликт Прието с Негрином, так как министр хотел подчинить Генеральному штабу корпус карабинеров, которым традиционно руководил Негрин как министр финансов. «Негрин, поддерживаемый коммунистами, энергично выступил против, заявив, что корпус карабинеров представляет гарантию на тот случай, если бы профессиональные офицеры забыли, что они находятся на службе народа»[1184]. «Правда, щель, существующая между Негрином и Прието, пока незначительна, но все же Негрин, несмотря на отдельные трения с коммунистами, стоит ближе к последним»[1185], — отмечал советский поверенный в делах в Испании С. Марченко.

Как сообщал информатор Коминтерна (вероятно, Степанов) в конце июля, «до настоящего момента трудно определить, кто является хозяином в правительстве: Негрин или Прието? Негрин полон добрых намерений, мечется как дьявол, почти всегда принимает советы нашей партии, часто обращается за советом к нашим товарищам, дает обещания, берет на себя выполнение ряда вопросов, но не выполняет их даже на 50 %. Почти никогда не бывает несогласен с нашими товарищами. Устраняет всегда трения и конфликты»[1186]. Эта картина отчасти подтверждает мнение о «развинченности» Негрина, некоей его общей бесхарактерности и необязательности. Но это впечатление может быть обманчиво или верно только отчасти. Негрину было выгодно опираться на компартию против Прието и либералов, но в то же время он не собирался связывать свою судьбу с компартией слишком тесно. Он мог давать обещания и коммунистам, и приетистам, и Асанье, и все выполнять меньше чем «на 50 %».

Прието оказался конструктором и самой сильной фигурой майского режима, и в то же время — самой неустойчивой. Его ненавидела часть собственной партии, не доверяли коммунисты и часть офицерства. Симпатии Прието давно были с либералами, но те были слишком слабы, чтобы на них опереться. Дошло до того, что Прието стал создавать себе виртуальные политические опоры. Он воссоздал Синдикалистскую партию, «которая ожила, стала выпускать три еженедельные газеты и через которые Прието получил возможность более открыто выступать против коммунистической партии и вести в то же время работу по разложению анархистов (идея единой либертарной партии, что по существу является ставкой на откол от ФАИ значительной части анархистов и переход их в синдикалистскую партию)». Однако эта структура была плохой заменой НКТ. Наиболее весомой

внутриполитической опорой Прието был министр внутренних дел Сугасагоития — «прямой антикоммунист»[1187].

Советские специалисты докладывали о неудовлетворительном уровне выполнения И. Прието своих служебных обязанностей: «Можно прямо сказать, Прието саботирует строительство военной промышленности и укрепление флота»[1188]. Было понятно, что альянс с Прието является временным. Он не верит в победу, прекратил сближение с компартией. На заседании правительства Прието критиковал СССР за двойственную политику. Но у Прието был важный плюс — к анархистам он «питает зоологическую ненависть»[1189], и он был главным соперником Ларго Кабальеро в ИСРП. А усиление противоречий в этой партии был важным звеном политической стратегии коммунистов в Испании.

При этом формально Прието сохранял лояльность правилам «народной демократии», признавал возможность объединения ИСРП и КПИ в единую партию, хотя говорил, что его, возможно, «выбросят из этой партии»[1190]. Оставалось гадать, что это: самоотверженность, когда судьба Республики важнее, чем личная политическая карьера, или готовность идти на тактические уступки в преддверии борьбы после войны? Мол, создавайте объединенную партию, я потом смогу действовать и вне ее. Тем более, если война закончится не победой, а компромиссом под эгидой Великобритании и Франции.

Коммунисты наслаждались результатами майской победы. Урибе публично называл себя: «Первый крестьянин Испании». КПИ выдвинула лозунг «Весь народ идет за коммунистической партией»[1191] (а не за Народным фронтом и Негрином). Антонов-Овсеенко отмечал, что «головокружение от успехов» ведет коммунистов к изоляции[1192].

Изоляция не заставила себя ждать. В конце июля информатор Коминтерна сообщал, что в правительстве «медовый месяц прошел, и начались признаки „несходства характеров“... Верно, что при этом правительстве наша партия имеет больше возможностей для работы, для оказания влияния на политику правительства, чем это было при предшествующем правительстве. Но мы далеки еще от желаемого минимума»[1193]. Этот «желаемый минимум» — безусловное доминирование коммунистов, как это будет в «зрелой» «народной демократии» Восточной Европы. А пока коммунистам противостоят приетисты, баскские и каталонские националисты, и у каждой из этих групп — своя политика, «и политика уравнивающая Негрина»[1194].

Каталонских националистов хотя и взяли в правительство, но фактически не включили в блок майских победителей. Компанис переиграл сам себя — после мая 1937 г. каталонская автономия существенно ослабла, а с конца 1937 г. стала почти формальной. 21 июля Компанис заявил: «Благодаря действиям представителя Валенсийского правительства, правительство Генералидада не имеет сейчас никакого авторитета»[1195]. Он перечислял накопившиеся примеры произвола центрального правительства в отношении Каталонии. Здесь были и мелкие унижения, и системные проблемы[1196]. Компанис даже выразил недовольство арестом бывших советников, намекая на Нина[1197].

Впрочем, публично Компанис демонстрировал лояльность Испании. В своей речи в Мадриде 23 октября он говорил, что Каталония «стремится конкурировать в самопожертвовании и храбрости с остальной частью Республики за дело территориальной и духовной независимости Испании... Именно мы, каталонцы, кастильцы, астурийцы, баски, андалузцы, галисийцы, все народы Испании, это те, кто переделает ее и сделает ее более великой, освободив ее сначала от нашествия, и свободной впоследствии при общей свободе людей и народов, которые составляют ее и обогащают»[1198].

1 октября правительство переехало в Барселону, еще сильнее урезав каталонскую автономию. Это вызвало не просто недовольство националистов, но и опасную для ОСПК перегруппировку сил. Антонов-Овсеенко опасался сговора Эскерра, НКТ и ПОУМ[1199]. Но к этому времени ПОУМ уже была разгромлена.

* * *

После отстранения НКТ и левого крыла ИСРП от власти и фактической оккупации Каталонии правительственными войсками события в Барселоне были объявлены мятежом анархистов и троцкистов.

В республиканских средствах массовой информации развернулась травля «мятежников», к которым теперь однозначно причислялись анархисты и «троцкисты». Шла «унификация» прессы — превращение ее в проправительственную[1200]. 28 мая была запрещена газета ПОУМ «Ла Баталья».

Репрессии не замедлили себя ждать, причем проводились они во внесудебном порядке при активном участии «интернациональных бойцов» НКВД СССР. 16 июня были арестованы члены ЦК ПОУМ, обвиненные в связях с франкистами. Начались чистки армии от членов ПОУМ. Было арестовано 250 руководящих работников партии и 30 иностранцев, которых объявили «троцкистами» (ареста чудом избежал английский писатель Д. Оруэлл). Прибывшая в середине сентября в Испанию анархистка Эмма Голдман обнаружила в тюрьме Валенсии 1500 анархо-синдикалистов и несколько сот марксистов, в том числе бойцов интербригад. Генсек НКТ М. Васкес оценивал количество арестованных членов НКТ в 800 человек, а судьба еще 60 была неизвестна[1201]. Возможно, часть из них была уничтожена.

Охота на ПОУМ стала прямым продолжением майских боев, и в ней принимали активное участие деятели ОСПК: «Родригеса Саласа отстранили от должности после майских событий. Разумеется, это не помешало ему организовать эффективную сеть связи и преследования ПОУМ с помощью агентов НКВД, участников Коминтерна, имеющих опыт гонений на поумистов и известных под псевдонимами Франсуа, Пабло Сальвадор и Б. Рокка. Характер Мартинеса Саласа как нельзя лучше подходил для таких действий. Он был человеком жестоким, славился тягой к насилию, действовал, не задавая лишних вопросов, решения исполнял быстро и продуманно»[1202]. Деятельность этого «квартета» началась 30 июня и завершилась 10 сентября 1937 года.

«Кастилия либре» протестовала: «Когда вопрос касается лидеров антифашистской партии, необходимо представить доказательства, а не пытаться создавать процессы при помощи софизмов и измышлений — фантазией в связи с разногласиями между Сталиным и Троцким»[1203]. Анархистов не убеждали и ссылки на связь между ПОУМ и Троцким, который в свою очередь якобы является фашистским агентом. «Доказательства» сталинской фемиды на Московских процессах были сомнительны: «В советских тюрьмах находятся тысячи анархистов только потому, что протестовали против диктатуры». (Сталин учел критику — в 1937 г. оставшиеся в тюрьмах анархисты почти все были перебиты вместе с представителями оппозиционных партий и фракций). «Поэтому мы не верим в этот известный всем процесс и не хотим второго его издания в Испании»[1204].

Кстати, настоящие троцкисты в Испании — Испанская большевистско-ленинская секция — в июне выпустили листок, в котором критиковали ПОУМ за стремление получить выгоду от сотрудничества с Народным фронтом, уклонение от борьбы за власть, за то, что «тащила, вместе с НКТ, движение вспять»[1205].

Анархо-синдикалисты хоть и пытались сопротивляться репрессивной политике правительства, но в условиях войны и развернувшейся в республиканской зоне кампании травли инакомыслия вынуждены были беспрестанно подчеркивать свою лояльность. Так, в письме к министру юстиции по поводу расправы над казначеем Иберийского комитета ФАИ Д. Альтамира, осужденного на 15 лет заключения в связи с покушением на председателя суда Барселоны Андреа (произошло 2 августа 1937 г.), Ф. Монтсени приводила доказательства того, что 24 июля — 8 августа 1937 г. Альтамира отсутствовал в городе. Свои аргументы экс-министр была вынуждена сопровождать такими оговорками: «Довожу до Вас нижеследующий документ, уважая исполнение долга совести и признавая, что каждый гражданин должен быть бдителен, для того, чтобы никогда юстиция не сбивалась с пути и не обращала кары на невинных по личным и политическим мотивам»[1206]. Сотрудники НКТ внимательно следили за судьбой членов организации, оказавшихся в заключении, настойчиво добиваясь их освобождения[1207].

Против оппозиции стал оборачиваться и разработанный министерством юстиции еще в бытность министром Гарсиа Оливера закон о Народных трибуналах. Новый министр, баскский националист М. Ирухо, считал, что их основная задача — сделать «эффективной ответственность граждан за ущерб, произведенный действиями против легитимного правительства»[1208]. (Но не против революции и других ценностей, которые вдохновляли республику в 1936–1937 гг.)

Чтобы не допустить превращения трибуналов в орудие партийной мести майских победителей, НКТ направила своих представителей в их состав[1209]. Удалось сохранить коллегиальные и плюралистичные принципы организации трибуналов, предусмотренные в декрете 4 мая 1937 г. В руководство Верховным трибуналом вошли по три социалиста, коммуниста, левых республиканца и представителя Республиканского союза, по одному представителю Партии синдикалистов, Партии федералистов, левых каталонцев, баскских националистов, и по четыре представителя ВСТ и НКТ[1210]. В таком составе трибуналы уже не могли быть эффективным средством репрессивной политики. Однако постепенно анархо-синдикалистов стали вычищать из трибуналов.

7 июня были распущены рабочие патрули НКТ. 18 июня была введена правительственная монополия на радио. 23 июля были созданы специальные политические трибуналы. 14 августа была официально запрещена публичная критика СССР и введено право правительства приостанавливать выпуск газет.

«„Демократическое“ государство, построенное Ларго Кабальеро, превратилось в „сильное“ государство Негрина... Критика стала синонимом измены»[1211], — подводят итог П. Бруэ и Э. Темиме. А. Виньяс считает, что это была полезная замена: увы, песок — плохая замена овсу. «Республика, тем не менее, получила новое сильное правительство во главе с Хуаном Негрином»[1212].

Убить Нина

Наиболее известной акцией репрессивной волны мая-июня 1937 г. стало убийство лидера ПОУМ А. Нина. Операция по его аресту проводилась сотрудниками НКВД СССР во взаимодействии со Службой безопасности, контролируемой коммунистами.

Расследованием похищения Нина уже по свежим следам занялись анархо-синдикалисты. Они выяснили, что Нин был арестован 15 июня и через некоторое время увезен в контролируемую коммунистами деревню Алкала де Энарес, а затем отправлен в неизвестном направлении. Анархо-синдикалисты следили также за ходом официального расследования исчезновения. В Барселоне следствие по делу вел судья М. Лагиа. Вопреки указанию представителя Директората безопасности, Лагиа арестовал двух полицейских агентов из Мадрида, которые были замешаны в деле о похищении. Тогда судья был арестован центральными властями. Позднее судья был освобожден, но дело таким образом было развалено. Все это позволило Службе внешней информации Национальной секции координации НКТ прийти к выводу, что к похищению Нина причастна полиция и правительство. Признавая, что пока нет возможности для развертывания широкой кампании протеста, анархо-синдикалисты решили продолжать расследование до того времени, «когда придет час довести до сознания страны и призвать к суду Истории их низости»[1213].

Действительно, сотрудники Службы безопасности не сразу нашли место, где можно было изолировать Нина — тюрьмы были переполнены. Резидент НКВД А. Орлов предложил поместить арестованного в гостиницу в Алькала де Энарес, которую использовали для своих нужд сотрудники НКВД и Службы безопасности[1214].

В Алькала Нина интенсивно допрашивали. Нужно было как можно скорее добиться от него признаний, чтобы потом уже действовать официально. Но Нин решительно отвергал все обвинения. С первого момента Нин заявил, что это «махинации политических противников, весьма вероятно, что компартии». Касательно участия ПОУМ в «барселонских событиях», он утверждал, что «так как они считали справедливой реакцию рабочего класса, они действовали солидарно с ним для того, чтобы дать ему конкретные и ограниченные цели». Нин до конца утверждал, что не имеет ничего общего со шпионажем, который ему пытаются вменить[1215]. Стало ясно, что в испанских условиях попытка повторить «московские процессы» кончится провалом, особенно, если на скамье подсудимых будет выступать Нин.

А. Орлов мог понять это заранее, но он недооценивал «испанской специфики». Возможно, до захвата Нина Орлов, глава Службы безопасности Ортега и их коллеги действительно верили в официальные версии о «заговорщической деятельности» ПОУМ и надеялись «расколоть» Нина. Когда это не удалось, Нина застрелили 22 июня под предлогом попытки его освобождения[1216].

Убийство Нина стало крупным политическим провалом, дискредитирующим и майских победителей, и их советских союзников. Официально было заявлено, что он арестован, но затем появились слухи о его гибели. «Сугасагоити и Негрин столкнулись со множеством подозрений, но они были тщательно защищены. Очевидно, что они знали о том, что советские „спецслужбы“ охотились за Нином»[1217], — пишет А. Виньяс. Позднее Негрин писал: «Я не мог рассказать то, что знал о деле Нина и его задержании не республиканской полицией, а иностранной службой, поскольку это не могло быть обнародовано»[1218].

Стремясь снять с Х. Негрина ответственность за репрессии и убийства этого периода, А. Виньяс пишет: «Нет необходимости говорить, что „славная“ эпоха НКВД и его контактов с испанской Службой военных расследований пришлась на период управления Прието»[1219]. Но также «нет необходимости» напоминать, что Прието правил не один, и не был премьер-министром и начальником служб безопасности.

Очевидно, что наибольшая ответственность за репрессии этого времени лежит на коммунистах — службу безопасности возглавлял коммунист Антонио Ортега, который действовал в контакте с эмиссарами НКВД. Но гибель Нина стала результатом травли ПОУМ, ответственность за которую несет весь майский блок, включая, конечно, и Негрина.

«В нормальных условиях Нину, возможно, грозило бы только тюремное заключение. Орлов пошел намного дальше, и Правительству пришлось терпеть это, потому что смерть Нина (таково, без сомнения, было действительное значение) стоила меньше, чем возможное осложнение отношений с Советским Союзом»[1220], — продолжает А. Виньяс. Трудно признать «нормальными» условия, при которых лидера оппозиционной партии отправляют в тюрьму без веских оснований. К тому же Негрин должен был понимать, что помощь СССР Республике зависела не столько от дела Нина, сколько от обстоятельств международной политики. Угодливость в деле Нина не спасла правительство Негрина от проблем, которые с августа 1937 г. стали возникать с советской помощью.

Вероятно Негрин (в отличие от его сегодняшних адвокатов) это понимал. Но репрессивная кампания (даже с учетом ее издержек) была выгодна ему не меньше, чем Сталину, а даже больше. Ведь она деморализовала оппозицию. А затем можно было «умывать руки», ссылаясь на тень СССР.

Однако скандал с убийством Нина помог социалистам укрепить свои позиции и в отношениях с коммунистами, которые скомпрометировали себя «топорной работой». Шумная известность начальника службы безопасности коммуниста А. Ортеги, которой способствовала и хвастливая коммунистическая пропаганда, сыграла с ним злую шутку — в июле его пришлось снять[1221]. Тише надо работать, осторожнее.

Впрочем, отставка Ортеги была связана и с его шокирующей ретивостью. В день отставки Ортега говорил: «Чтобы очистить Арагонию от анархо-троцкистских бандитских групп, располагающих большими запасами оружия и амуниции, нужно вести настоящие плановые бои от одной деревни к другой. Я боюсь, что после моего снятия эту работу прекратят»[1222]. Как показали уже августовские события в Арагоне, коммунисты преувеличивали вооруженность анархистов. Но в любом случае в планы республиканского руководства не входила еще одна гражданская война в тылу фронта, и от методов Ортеги пришлось отказаться. Задачу разоружения Арагона решили позднее, меньшей кровью.

* * *

После снятия с поста Ортеги репрессии стали ослабевать. Коммунисты с гневом отмечали, что Сугасагоития саботирует преследование ПОУМ (после отставки Ортеги министр освободил сотни политзаключенных и не вскрыл связи «троцкистов» и штаба Франко!). А Ирухо и вовсе стал заниматься тем, чего коммунисты так опасались в мае — расследованием произвольных расстрелов и жестокого обращения с заключенными в Мадриде, когда службой безопасности здесь руководил С. Карильо — коммунистический лидер ОСМ[1223]. Отсюда нити могли потянуться и к другим аналогичным делам.

В начале августа 1937 г. Служба безопасности была реорганизована. Создается Служба военных расследований (СИМ, Servicio de Investigación Militar). Она должна была бороться с «пятой колонной», но фактически действовала также против ПОУМ и радикалов НКТ.

После создания СИМ позиции КПИ в репрессивной системе ослабли: «В полиции ее влияние не уступало влиянию социалистов, хотя она проигрывала последним в таких важных секторах, как СИМ (служба военной контрразведки), которая была создана по распоряжению Прието и традиционно обвинялась в том, что создана в вотчине коммунистов — под неявным покровительством НКВД — чтобы устранять противников в республиканском тылу. Несомненно, отношения между социалистами и коммунистами, согласно внутреннему докладу, датированному 30 мая 1938 года, были преимущественно радушными во всех подразделениях, исключая СИМ, где „тем немногим коммунистам, которые туда входили, устроили невозможную жизнь“»[1224]. Это очень примечательно. В конце марта 1938 г. Прието ушел из правительства, а позиции социалистов в СИМ сохранились. Так что социалисты в СИМ ориентировались не на него, а как раз на Негрина. Это был его инструмент, который давал «страховку» на будущее.

Строительство репрессивной системы продолжилось и дальше: «Летом того же года начинают работу суды по делам шпионажа и государственной измены, а в декабре 1937 г. создание специальных гражданских судов привело к отставке министра юстиции Мануэля де Ирухо. Для преследования преступлений, совершенных в войсках, в октябре того же года создаются также постоянные военные суды, суды военных корпусов, независимых единиц и внутренних зон»[1225]. Мы увидим, что это военное правосудие не мешало офицерскому своеволию. Его острое было направлено против солдатской массы.

Нанеся репрессивный удар по левой оппозиции, республиканский режим пытался продемонстрировать свой либеральный характер в тех вопросах, которые не могли подорвать монополию майских победителей на власть. 31 июля в Республике была провозглашена свобода совести. 7 августа были открыты первые церкви (в июле 1936 г. они были закрыты вооруженными сторонниками Народного фронта и анархистами).

Президент Асанья наслаждался картиной отступления социальной революции. 13 ноября он заявил: «Мы имеем вновь республику, республику, имеющую три цвета! И ничего более!»[1226] Синдикалистская газета «Эль Пуэбло» возразила Асанье: «Есть нечто большее, чем одна республика с тремя цветами на своем знамени. Для некоторых партий есть один цвет и скрытое желание направить победу к своим целям»[1227]. Это был намек на коммунистов.

* * *

Формально Республика оставалась демократическим государством, и обвинения против «троцкистов» требовалось подтвердить в суде. За ПОУМ заступился Второй интернационал, что было важно для Негрина и Прието[1228]. Анархо-синдикалисты также пытались обеспечить правовые гарантии в деле членов ЦК ПОУМ. В ответ на запрос НКТ министр юстиции сообщал о «распоряжении правительства республики, в соответствии с которым процесс против господ Нина, Горкина и других членов ПОУМ будет проводиться в соответствии с нормами Права, со всеми гарантиями, которые предоставляются судами гражданам, и с защитой, которую они стремятся получить от закона... Могу заверить, что никто из заключенных не получил ни царапины (применительно к Нину это была прямая ложь, лидера ПОУМ уже не было в живых — А. Ш.), ни плохого обращения, на них не оказывалось никакого другого давления, которое касается их собственного достоинства»[1229].

2 июля генсек НКТ М. Васкес выступил в защиту ПОУМ. Главный тезис: «Организация — это не лица»[1230]. Если кто-то из поумовцев замешан в шпионаже или антиправительственных действиях, это еще не повод запрещать всю организацию. Тем более, что и эти обвинения не доказаны: «человека арестовывают, и он исчезает, как это имело место с Нином... Чего ни один человек не поймет и ни за что не поверит, это то, что Нин связан с Франко, что он фашист...» Эти тезисы были положены в основу протеста НК НКТ председателям кортесов и правительства, руководящим органам партий[1231]. 7 июля НКТ и ФАИ заявили, что у них нет блока с ПОУМ, и они просто требуют справедливости[1232].

Защищая ПОУМ, лидеры НКТ апеллировали к национальной гордости. Х. Лопес провозглашал: «Наша революция не может так унижаться, чтобы соглашаться по приказу устранить антифашистскую партию... Испания не закладывала своей политической независимости в такой степени, чтобы так дорого оплачивать помощь, которую мы можем получить с благодарностью, если она дается незаинтересованно, и которую мы вынуждены отвергать, когда после помощи приходит счет за оплату»[1233].

Однако массированная кампания против ПОУМ и всех, кто с ней сотрудничает, привела к изменению позиции НКТ. 7 августа Национальный пленум НКТ принял такое решение: «Что касается близящегося процесса против элементов из ПОУМ, то пришли к заключению, что произошло то, что произошло, не следует шевелить и пальцем, защищая эти элементы, поскольку вполне возможно, что они осудят себя, возможна провокация в отношении этой партии и нашей Организации»[1234]. НКТ опасалась повторения сценария «московских процессов» на испанской земле. Оказавшись между наковальной фронта и молотом репрессивной политики в тылу, НКТ вынуждена была маневрировать, «не давать поводов» в надежде на изменение ситуации.

И все же постоянное внимание независимых от правительства организаций к делу ПОУМ не позволило уничтожить оставшихся в живых лидеров партии. «Хватит нам скандала с Нином»[1235], — говорил представитель министерства юстиции накануне процесса над лидерами ПОУМ. После убийства Нина, по словам Марченко, социалисты «испугались и повернули». Министр внутренних дел Сугасагоития прекратил допросы лидеров ПОУМ[1236].

Впрочем, на местах борьба с «троцкистскими заговорщиками» продолжалась. 23 октября начальник полиции Испании заявил о раскрытии разветвленной фашистской организации с центром в Каталонии и с участием поумистов. Якобы 25 августа они вывели из строя 7 орудий[1237].

В октябре 1938 г. члены ЦК ПОУМ были приговорены к различным срокам тюремного заключения (до 10 лет). Через три месяца франкисты подошли к Барселоне, и республиканская охрана тюрьмы открыла ворота. Поумисты спаслись во Франции.

Несмотря на трогательное единение коммунистов и социал-либералов в проведении репрессий против левой оппозиции, у союзников по майской коалиции были разные приоритеты. Если для коммунистов не было страшнее зверя, чем ПОУМ, то Негрин и Прието испытывали идиосинкразию к анархо-синдикалистам и настаивали на устранении их из правительственных структур[1238].

Осторожная анархия

Первая реакция анархистов на уход из правительства напоминала вздох облегчения: «Ну, теперь мы им покажем!»[1239] Не связанная союзническими обязательствами, НКТ могла бы действовать решительнее. «Уступчивый Мас» был заменен на посту каталонского секретаря НКТ более радикальным и «твердым» Эролесом[1240].

Однако в это время уже поднялась волна правительственных репрессий, шло разоружение анархистских формирований в тылу. НКТ ничего не стала «показывать». Да и какие действенные антиправительственные меры могли предпринять анархо-синдикалисты в условиях войны? Стачки на военных заводах? Этим они бы только помогли Франко.

Стало ясно, что в мае 1937 г. НКТ и ФАИ потерпели поражение. Циркуляр региональных комитетов НКТ-ФАИ призвал анархо-синдикалистов воздерживаться от столкновений, так как это может привести к конфронтации по всей стране[1241].

Главным виновником майских событий анархо-синдикалисты сочли коммунистов, и 22 мая пленум Каталонского комитета НКТ решил вести борьбу за вытеснение коммунистов на всех уровнях власти[1242]. Делегаты пленума надеялись на поддержку ВСТ, преувеличивая степень его оппозиционности новому правительству. В действительности лишь часть актива ВСТ шла за Ларго Кабальеро, а остальные поддерживали умеренных социалистов и коммунистов.

Более того, на пленуме НКТ «почти все выражали недоверие Кабальеро»[1243]. Раздражение партнером после неудачи понятно, но на кого же собирались опираться лидеры НКТ в ВСТ, выстраивая оппозиционный фронт, как не на Ларго Кабальеро и его сторонников? Больше не на кого было. Поражение дезориентировало НКТ.

Вскоре выяснилось, что ВСТ не может быть союзником в антиправительственной борьбе, и 3 июня новый пленум НКТ взял курс на примирение с Негрином, приняв решение продолжить политическое сотрудничество «на достойных и действительно пропорциональных условиях» («пропорциональность» означала требование участия в органах власти). Пленум принял предложенную М. Васкесом «Программу-минимум по проведению подлинной военной политики», которая предполагала создание множества общественно-государственных структур, куда могла бы войти НКТ, оставаясь как бы вне правительства (подсекретариат по военной промышленности Министерства обороны, Национальный комитет по военной промышленности, Совет по общественной безопасности, Экономический совет, Национальный совет по вопросам образования). Формирование этих органов, назначение губернаторов, послов и других чиновников по мысли лидеров НКТ должно было проводиться на паритетных началах марксистами, республиканцами и либертариями[1244]. Такая заявка на возвращение во власть совершенно не учитывала политическую ситуацию, сложившуюся после мая 1937 г. В Республике сформировался режим, который был готов интегрировать структуры и кадры анархо-синдикалистов исключительно на своих условиях в установленных сверху рамках.

НКТ не имела возможности оказать военное или экономическое сопротивление режиму, которое не было бы в то же время и прямой помощью франкистам. Конфедерация могла оставаться в политической оппозиции, сохраняя верность принципам, но не более. Однако в условиях второй половины 1937 г. НКТ и ФАИ стояли перед очень сложным выбором — можно ли сохранить хотя бы часть завоеваний 1936 года, оставаясь в непримиримой оппозиции. Фракция Васкеса считала, что единственная возможность обеспечить эффективное взаимодействие в борьбе с Франко и сохранение хотя бы основ коллективизации — это возвращение в государственные структуры.

Теперь, когда «оппортунистическая» стратегия НКТ увенчалась поражением, ее противники в анархо-синдикалистском интернационале Международное товарищество рабочих (МАТ) щедро сыпали соль на раны. 11–13 июня пленум МАТ в Париже принял резолюцию: «Проведение революционной войны одновременно с социальными преобразованиями

должно бы исключить со стороны НКТ всякое прямое участие и всякое не прямое соглашение с правительствами Валенсии и Барселоны; требовало прекращения со стороны НКТ всяких концессий политических, экономических и доктринальных этим правительствам, делаемых с целью удержать так называемый антифашистский фронт, составленный из секторов, которые ведут переговоры с врагами рабочего класса, чтобы ликвидировать войну и удушить революцию»[1245]. Представителям НКТ оставалось только разводиться руками: «А что было делать?» Убедительного ответа у критиков из МАТ не было.

На Пленуме Каталонской организации НКТ 13 июня прошли выборы генерального секретаря. При этом «экстремист» Шена получил 106 тысяч голосов, относительно умеренный Исглиес — 98 тысяч, а Эрлес — 91 тысяч (из 550 тысяч). Но за него выступило больше организаций, и он был избран[1246]. Эти выборы показывали, что радикалы-нонконформисты имели в НКТ крупную фракцию, но все же не имели права говорить от имени большинства членов, даже представленных на пленуме. Более того, по данным коммунистов, в НКТ были и прямо противоположные настроения — недовольство «тем, что руководители НКТ отказались в мае месяце от участия в правительстве»[1247].

После разгрома ПОУМ именно НКТ стала центром антисталинской агитации. 17 июля «СНТ» опубликовала фельетон по поводу футбольных побед басков в СССР: «Нельзя всегда выигрывать. Надо уметь проигрывать. Надо держать ноги в голове — иначе вы троцкисты»[1248]. В своем выступлении 21 июля Ф. Монтсени говорила: «В России революция во время керенщины преодолела все препятствия и шла вперед, разрушив тиранию царей, но затем диктатура сбилась, в результате коллективного заблуждения, на диктатуру Сталина»[1249]. Впрочем, Монтсени оговаривалась: мы благодарны СССР. «Но это не значит, что те (люди — А. Ш.), которые в Испании представляют партию, держащую власть в СССР, могут присвоить себе право на все, сделанное СССР в пользу Испании»[1250]. Сталинская диктатура — дело советских людей. Острие критики направлено против испанских коммунистов.

Секретарь НКТ М. Васкес 3 августа разъяснял официальную позицию НКТ: «В мозгу ни одного анархиста не может быть даже мысли о вражде к России». Но мы выступаем против коммунистической партии, мы — «идеологические противники государственного коммунизма, ибо мы — поклонники свободы, в то время как последний (государственный коммунизм) — враг свободы... Россия сделала большой шаг в социальном прогрессе, показывая пример пролетариату мира, который, конечно, может быть превзойден в потрясениях, которые происходят в других странах... Мы должны быть благодарны России за поддержку делу испанского антифашизма, хотя считаем, что речь идет лишь о проблеме взаимной помощи, так как если Россия нам помогла, то мы также помогаем России, которая заинтересована в победе антифашизма». Эту мысль он повторил 5 августа: «Россия также заинтересована в нашей победе, как заинтересованы Германия и Италия в победе Франко»[1251].

Анархо-синдикалисты добавляли ложки дегтя в медовые репортажи правительственной прессы об СССР. Когда «Аделанте» 12 декабря написала, что выборы в СССР «показали, что весь советский народ поддерживает свое правительство»[1252], «Солидаридад обрера» напомнила, что в СССР нельзя выставить альтернативного кандидата[1253].

Критикуя СССР и коммунистов, лидеры НКТ продолжали искать приемлемые для них условия примирения с правительством. В Народный фронт НКТ не входила. Тогда анархисты развернули кампанию за замену Народного фронта Антифашистским фронтом. 8 июля эту идею высказал генсек НКТ Васкес в интервью нескольким газетам: «Антифашистский фронт, слияние всех антифашистских партий и профсоюзов — вот, что необходимо»[1254]. Для анархистов это было мостиком для возвращения в систему власти «без потери лица». Компанис поддержал эту идею. Однако Компанис и Коморера договорились создать Женералитат без анархистов[1255], и сближение сорвалось.

30 июля был подписан пакт ВСТ-НКТ. Был создан комитет связи, договорились не нападать друг на друга в прессе, готовить объединение двух профцентров, которые к тому же претендовали на монополию в рабочем движении: «СНТ и УХТ не признают никаких профсоюзов, которые не подчинены дисциплине УХТ и СНТ»[1256]. Впрочем, два профобъединения действительно объединяли почти всех рабочих. Анархо-синдикалисты в «Кастилия либре» повторяли старые лозунги: «Пролетариат вырос и не желает больше принадлежать к политическим партиям...»[1257] Однако после майского перелома это было не более, чем идеологическое заклинание. В действительности речь шла о выработке условий реинтеграции анархо-синдикализма в систему Республики через зависимую от правительства объединенную профсоюзную структуру. Но если до мая 1937 г. НКТ была мотором социальных преобразований в Республике, то теперь это была совсем другая Республика, отторгающая эти преобразования.

Коммунисты поспешили поправить своих партнеров. «Френте рохо» писала: «Организованные в профсоюзах рабочие горячо желают единства, но не для борьбы против политических партий и против правительства, которое они сами поддерживают через свою партию»[1258]. Режим останется прежним, и НКТ через это соглашение должна быть привязана к его колеснице. Впрочем, как отметили советские наблюдатели по поводу соглашения профцентров, «похоже, что это — пакт двух врагов, заключивших перемирие для нападения на третьего»[1259]. «Третьим» могли быть приетисты. Но вскоре действия Прието и коммунистов сорвут такой «пакт».

В начале августа ЦК КПИ предложил НКТ-ФАИ начать переговоры о возобновлении соглашения о единстве действий и совместной борьбе с «неконтролируемыми элементами»[1260]. Таким образом, делался реверанс в сторону «контролируемых» анархо-синдикалистов. Обсуждение отношений с коммунистами на конференции представителей регионов НКТ было бурным. Нормализация отношений с КПИ, как казалось части делегатов, могла бы прекратить наступление на позиции НКТ и обеспечить сближение с ВСТ. В то же время Национальный комитет и часть региональных организаций понимали, «что на этом пути уступок коммунистам мы идем к поражению»[1261]. Новое поражение наступило в августе — «народная демократия» ударила по Арагону.

* * *

Реальная власть в Арагоне принадлежала Арагонскому совету — территориальному органу, образовавшемуся в 1936 г. и контролировавшемуся анархистами. Арагонский совет

опирался на коллективы и профсоюзы. Его статус как территориального органа самоуправления де-факто был признан правительством. Летом 1937 г. были предприняты попытки легализации Совета де-юре, но они натолкнулись на правительственное требование принять губернатора из центра[1262]. В июле 1937 г. правительственные карабинеры стали конфисковывать грузовики коллективов, дезорганизуя производство. В начале августа арагонцы обнаружили опасную концентрацию правительственных военных сил вблизи границ региона. В Барбастро был создан марионеточный «Совет Арагона», который призвал правительство установить «федеральное правление» Арагоном[1263]. Сюда был назначен губернатор, не признававший прежних прав Арагонского совета. Тогда же стало известно об исключении анархо-синдикалистов из Астурийского совета[1264].

Национальный пленум НКТ обсуждал 7 августа опасное положение, сложившееся вокруг Арагона. Дискутировалась возможность оказания вооруженного сопротивления в случае нападения на Арагон. Арагонская делегация «заявила, что существуют две позиции: защищаться с ловкостью и дипломатией или прибегнуть к насилию; в любом случае Арагонский совет готов действовать так, как укажет пленум»[1265]. Лидер Совета Аскасо также спрашивал, следует ли ему сдаваться властям, если будет выписан ордер на его арест[1266]. Мнения разделились. Представители Каталонии и ФАИ настаивали, что пассивное сопротивление наступлению коммунистов будет недостаточным. Организация Центрального региона считала вооруженное сопротивление недопустимым и выступала за активизацию переговоров с правительством по этому поводу. Эту позицию поддержало большинство. «Необходимо выяснить военные возможности, потому что существует возможность крушения — фашизм ликвидирует нас за восемь дней, а если он этого не сделает, то это сделают коммунисты»[1267], — говорилось на пленуме.

Трагическая ситуация, в которой любое столкновение в тылу могло привести к крушению фронта, заставила анархо-синдикалистов воздержаться от военного сопротивления. Как показали дальнейшие события, коммунисты не были столь же щепетильны. Они не опасались, что действия их военных подразделений в тылу вызовут обвинения в разжигании братоубийственной войны — у правящей группировки сохранялся перевес в средствах массовой информации. Предлагалось также активизировать давление на коммунистов через государственные структуры. Скованная условиями гражданской войны, предполагавшей непривычную для анархистов лояльность Республике, НКТ просто не могла эффективно действовать в оппозиции.

Оставалось использовать противоречия в лагере майских победителей, прежде всего между Прието и коммунистами. Заигрывания коммунистов с НКТ можно было рассматривать как подготовку к новому столкновению в борьбе за власть. Президент М. Асанья склонялся к поддержке Прието. Национальный комитет НКТ предложил делегатам встретиться с президентом, чтобы доказать ему необходимость «срочного включения нашего организма во власть... Люди правительства и Асаньи начали чувствовать заметный страх не только по нашему поводу, но и по поводу своих вчерашних друзей, располагающих властью»[1268]. Было решено создать комиссию для переговоров с президентом. Однако эта идея была неудачной — ведь президент был давним и жестким противником анархо-синдикализма. Коммунистам с их умеренной тактической линией было гораздо легче найти ключи к сердцу президента, чем сторонникам широкомасштабных социальных преобразований. Эти

политические маневры НКТ были вызваны безысходностью. Анархо-синдикалисты не хотели становиться сателлитами коммунистов, понимая, куда это их приведет. Но и союзников против коммунистов НКТ не нашла.

Анархо-синдикалистам не удалось найти выход из положения, сложившегося к моменту наступления коммунистов на Арагон. Пленум НКТ предоставил возможность Арагонской организации действовать по своему усмотрению[1269].

11 августа силы 11-й дивизии под командованием коммуниста Э. Листера напали на Каспе и разогнали Арагонский совет, арестовав его лидеров и несколько сот анархо-синдикалистов. Акция не встретила значительного сопротивления, так как анархо-синдикалисты не стали использовать даже небольшое количество оружия, имевшееся у них на складах в тылу, и не сняли войск с фронта. Листер утверждал, что операция была согласована с И. Прието, руководством КПИ и советскими представителями[1270]. А вот Антонов-Овсеенко считал, что от этой акции выиграл Прието: «Характерно, что Прието использовал для этой задачи дивизию Листера с тем, чтобы направить против коммунистической партии все недовольство анархистов»[1271]. Действительно, игры коммунистов в блок с анархистами против Прието после разгона Арагонского совета пришлось отложить.

Обосновывая новый удар по либертарному движению, Х. Негрин говорил: «Моральные и материальные нужды войны неминуемо требуют концентрации всей власти в руках государства»[1272]. Офицер дивизии Листера Т. Руис утверждал, что «крестьяне встречали нас как освободителей», но тут же добавляет, что частью операции было разоружение крестьян[1273]. Сам факт наличия у крестьян оружия показывает, что коллективизация большинства из них не могла быть насильственной. Коммунистическая пресса так комментировала разоружение анархо-синдикалистов: «Любое оружие, которое прячут в тылу, не оправдывает своего назначения, оно способствует предателю Франко и интервентам в нашей стране... Оружие должно служить фронтам. В тылу нужны трудолюбивые руки...»[1274]. Характерно, что именно отсутствие в тылу значительных вооруженных формирований, подконтрольных Арагонскому совету, и обеспечило успех операции Э. Листера. Зато майский режим позаботился о том, чтобы в тылу действовали преданные ему воинские части. Даже коммунист А. Росель признает, что после разгона Арагонского совета «мы перешли от анархистской диктатуры к коммунистической»[1275]. Новый губернатор Арагона Х. Мантекон, левый республиканец и бывший член Арагонского совета, рассказывал Асанье, что Листер собирался расстрелять захваченных членов Совета, но Монтекон отговорил его[1276].

Во время этого похода Листеру удалось распустить часть коллективов. Однако, несмотря на провозглашенную победителями свободу выхода из коллективов и сильное давление, оказанное на крестьян, разрушить созданную анархистами систему не удалось — в разных районах от четверти до большинства крестьян остались в коллективах[1277]. Уже в июле 1937 г., после того, как анархисты потеряли политическую власть, около 1000 участников коллективов Леванта направились в Кастилию для помощи в организации там коллективов. Это привело к распространению движения на новые районы в разгар наступления коммунистов на коллективы в Арагоне[1278]. Более того, количество членов коллективов вновь стало расти и в 1938 г. достигло 290000 домовладельцев, то есть около 40 %

населения Арагона[1279]. Коллективы продолжали существовать вплоть до прихода франкистов[1280].

После августовских событий анархистам удалось достичь компромисса с правительством и «вписать» коллективы в правовую систему Республики. Анархисты приняли участие в разработке Министерством труда типовых положений о кооперативах — сельских и потребительских. Эти документы, созданные на основе закона 1931 г. и правительственных декретов 1931 г. и 1936 г., должны были придать правовую базу коллективизации по всей республиканской зоне. Типовой устав сельскохозяйственного кооператива, обобщающий первый опыт коллективизации, носит антикапиталистический характер: «Ничто не может принадлежать этому коллективу на принципах предпринимательства, найма, капиталистического общества и т. п.» (ст. 6 устава сельских кооперативов)[1281]. Однако признавалась возможность использования на работах людей, не являющихся членами кооператива с назначением им зарплаты и социального страхования (ст.43)[1282]. Проекты типовых уставов, разработанные Министерством труда при участии НКТ, демонстрируют компромиссную модель кооперативного сектора в рамках плюралистичной экономики, в которой сохраняется и рынок, и государственное регулирование, но решающую роль играют самостоятельные, объединенные в добровольные федерации коллективы. Эти документы стали плодом политического компромисса: правительство получило дополнительные права в отношении кооперативной экономики, а анархисты добились ее правовой защиты. Тем не менее, анархо-синдикалистская система продолжала разрушаться, что уже в конце 1937 г. вызвало острый продовольственный кризис в Каталонии.

Разгром Арагонского совета стал новым тяжелым поражением либертарного движения. Тщетными оказались попытки играть на противоречиях майских победителей. Не удалось наладить контакт с противниками коммунистов в коридорах власти. Одновременные переговоры с КПИ выглядели капитулянтством. 15 августа НКТ заключила соглашение с коммунистами. Оно предусматривало прекращение полемики в печати и установление «сердечных отношений»[1283]. Однако в это время стали известны подробности действий Листера в Арагоне, и соглашение было разорвано. 21 и 25 августа ЦК КПИ обратился к анархистам с новыми предложениями о сотрудничестве, но на этот раз «понимания» не встретил. Под угрозой всеобщей забастовки коммунистам пришлось освободить арестованных в Каспе анархистов[1284].

Прието стремился добить главный источник социальной революции в лице анархистов. Но коммунисты сочли, что после августовских ударов НКТ достаточно ослаблена, и можно вернуться к политике «приручения» конца 1936 г. В сентябре 1937 г. коммунисты выступили против дальнейшего преследования анархистов и оппозиционной прессы, формально — так как это ведет к изоляции правительства от масс[1285]. К этому времени им понадобился противовес против правых социалистов.

«Кастилия либре» выражала настроение анархо-синдикалистских масс: «В интересах смертельной борьбы, которую мы ведем против фашизма, мы дошли до максимальной границы наших уступок. Пусть никто не требует от нас большего»[1286]. Но уступок будет еще много.

* * *

Столкнувшись с авторитарно организованной силой и проиграв схватку с ней, анархо-синдикалисты стали искать причины поражения в своей децентрализации. Под давлением обстоятельств анархо-синдикалисты стали переходить к более «партийной» структуре. По словам историка Х. Гомеса Касаса, «НКТ и ФАИ выжили, приспособившись к изменениям. Но они потеряли свой характер, свое лицо»[1287]. Это высказывание, сделанное в завершённой форме, является преувеличением. НКТ и ФАИ никогда не были лишены некоторой внутренней авторитарности, но в то же время до конца войны эти организации не потеряли и своего демократизма. Но все же авторитаризм в НКТ и ФАИ заметно усилился. На пленуме 4–7 августа 1937 г. ФАИ взяла курс на организационную перестройку, которая могла бы фактически превратить ее в структуру партийного типа[1288]. Если раньше ФАИ состояла из «групп единомышленников», то теперь должна была быть создана территориальная структура — объединялись все члены ФАИ на данной территории, независимо от оттенков их анархистских взглядов. При этом члены территориальных ячеек должны были участвовать в «публичных институтах, которые могут способствовать обеспечению и развитию нового положения вещей»[1289], то есть — режима Негрина.

Характерно, что именно эта тенденция привела к усилению в ФАИ влиятельной оппозиции (ряд делегатов июльского регионального пленума покинули зал), — централизация не укрепляла, а раскалывала движение. После этого руководство ФАИ пошло на уступки оппозиции.

Постепенно возрастало влияние аппарата в НКТ и ФАИ. В начале 1938 г. был создан исполком НКТ. Существенные изменения в организации НКТ проявились и на национальном пленуме по проблемам экономики в январе 1938 г. По словам Х. Пейратса, «одной из заметных аномалий стало предварительное выдвигание мнения Национального комитета по всем вопросам повестки. Это противоречило традиционной процедуре»[1290]. Давление руководителей НКТ на делегатов значительно усилилось по сравнению со съездом в Сарагосе — предыдущим форумом такого же масштаба.

* * *

Когда возникла опасность национализации коллективной собственности под предлогом ее нелегитимности, анархо-синдикалисты развернули борьбу за узаконивание коллективизированных предприятий, проявив удивительную для анархистов осведомленность в вопросах права. В циркуляре Национального комитета НКТ говорилось, что «не существует пока закона, который говорит трудящимся: „отныне и вовеки официально признаем инкаутацию, коллективизацию и социализацию...“, однако не существует и закона, который признавал бы обратное»[1291]. Ссылаясь не только на акты 1936–1937 гг., но и на законодательство 1887, 1905, 1932 гг., анархо-синдикалисты обосновывали юридическую неприкосновенность коллективной формы собственности и невозможность ее произвольного отчуждения[1292]. Подчеркивая вспомогательную роль права в отношении социальной революции, Национальный комитет все же рекомендовал

использовать его для защиты революционных завоеваний[1293], что было новым словом в теории анархизма. Правовая подкованность анархо-синдикалистов дала эффект — в критический период второй половины 1937 г. правительство не решилось отменить городскую коллективизацию. Впрочем, анархо-синдикалисты в принципе не отказывались и от традиционных для них средств борьбы. В январе 1938 г. угроза забастовки НКТ остановила огосударствление отрасли зрелищ.

В то же время синдикалистский сектор в сложившихся условиях стал по своей структуре сближаться с государственным. Эту тенденцию отразил январский пленум НКТ, который принял программу централизации экономики, планирования, укрепления дисциплины, нормирования и роста производительности труда. В условиях войны признавалось, что это возможно даже за счет благосостояния трудящихся[1294].

Разрушение коллективизированного сектора и подчинение коллективов государственным администраторам деморализовали рабочих, и теперь трудовая дисциплина катастрофически падала, а вместе с ней — и производительность труда. В этих условиях НКТ взяла курс на консолидацию коллективизированного сектора, превращение его в целостный уклад, автономный от государства. Для этого создавался Экономический совет НКТ и экономические советы на местах, которые должны были действовать во взаимодействии с отраслевыми федерациями. При этом НКТ была согласна создать совместно с ВСТ Национальный экономический совет для планирования экономики в целом. Экономический совет должен был в четырехмесячный срок разработать план экономического развития, согласованный с нижестоящими структурами. Выполнить эту громоздкую задачу не удалось. Зато отраслевые федерации в соответствии с решением конгресса стали назначать на предприятия технических делегатов, «ориентированных» работу предприятий и разрабатывавших санкции против нарушителей дисциплины. Однако функции этих специалистов были совещательными, окончательное слово оставалось за коллективом.

Была регламентирована и оплата труда. После долгих споров делегаты приняли компромиссное решение. Работники получали оклады по пяти категориям (высшая могла отличаться от низшей не более, чем в два раза). При этом создавались кассы семейной компенсации, из которых работник получал выплаты в соответствии с количеством членов семьи.

Было решено также создать систему потребкооперации («синдикатов распределения»), страхования и инвестиционный Иберийский банк (к его работе предполагалось привлечь также ВСТ)[1295]. Эти проекты так и остались памятником социалистической мысли — в условиях 1938 г. они были явно не ко времени. В условиях военных поражений авторитарный режим не собирался содействовать укреплению синдикалистской экономики, а без благожелательного отношения властей запустить такую структуру в условиях войны было нельзя.

Одновременно продолжалось упорядочение синдикалистской экономики. Была укреплена система учета производства и распределения. Было принято решение, по которому Конфедерация отвечала по обязательствам отдельных синдикатов. В феврале 1938 г.

Пленум НКТ подтвердил, «что распространение учетных купонов синдикатов не будет иметь отношения к распространению конфедеративных купонов, которые будут продолжать приниматься синдикатами посредством ответственных локальных федераций и конфедеративных торговых организаций»[1296]. Самостоятельное хождение векселей (купонов) конфедерации и синдикатов создавало рыночные условия уже внутри НКТ.

Как пишет современный исследователь В. В. Дамье, «в кругах Национального комитета НКТ во главе с занимавшим пост генерального секретаря Мариано Васкесом и „теневым“ лидером О. Прието усиливалось стремление к пересмотру ряда основных концепций анархо-синдикализма в сторону социал-демократической модели „демократии трудящихся“ и „смешанной экономики“, к превращению ФАИ в политическую партию, возглавляющую профсоюз НКТ»[1297]. О. Прието даже выдвинул идею создания партии как инструмента синдикалистского движения[1298]. Против этой неотриентистской линии выступали лидеры ФАИ Абад де Сантильян, Монтсени, Пейро и др. Но при этом ФАИ требовала своего представительства в Народном фронте, а НКТ — в правительстве. Так что при всех протестах против стратегии Васкеса-Прието, ФАИ все равно шла в ее фарватере.

В случае победы линии Васкеса-Прието, НКТ-ФАИ превращалась в левосоциалистическую партию, занимая нишу, оставленную ИСРП после поражения группы Ларго Кабальеро. Идеологически НКТ становилась испанским аналогом российских эсеров. В этот период идеологи НКТ апеллировали уже не к анархии, а к реальной демократии, экономическому коллективизму, выступали в «защиту территориальной, моральной и социальной целостности Испании: ее обычаев, ее темперамента, ее психологии»[1299]. Это было своего рода испанское народничество.

В случае победы над фашизмом этот курс НКТ способствовал бы возникновению двух-трехпартийного политического спектра, сильно сдвинутого влево (НКТ-ФАИ как левосоциалистическая, КПИ с частью социал-демократов в центре (такая модель использовалась позднее в странах «народной демократии») и либералы с частью социал-демократов справа. Эта расстановка стала бы стартовой для послевоенной Испании, и при этом левый фланг опирался бы на сохранившийся коллективизированный сектор экономики, структуру НКТ, а возможно — и части ВСТ, где также сохранялось влияние левых социалистов.

Предел отступления от анархо-синдикализма к левому социализму, на который НКТ была готова пойти в условиях военных неудач и авторитарного давления режима, был «достигнут» во время (и во имя) заключения пакта о сотрудничестве с ВСТ. Единство с ВСТ во время всей гражданской войны было важной задачей НКТ, поскольку только в условиях этого союза можно было проводить политику, санкционированную большинством трудящихся.

В феврале 1938 г. ВСТ, откликаясь на предложения НКТ, предложил принять совместную платформу. Однако сами предложения разочаровывали анархо-синдикалистов: широкая национализация, милитаризация, поддержка сдельной оплаты. Несмотря на очевидное их различие с концепцией НКТ, в предложениях ВСТ была и основа для сближения. ВСТ соглашался с идеей Высшего экономического совета при условии, что он будет действовать

в соответствии с директивами правительства, выступил за принятие закона о рабочем контроле на национализированных предприятиях. НКТ приветствовала саму инициативу ВСТ по сближению, приняла часть его предложений по части национализации (при условии сохранения коллективизированного сектора в оставшихся отраслях) и сделала предложения иного рода — необходимо «эффективное включение пролетариата в управление Испанским государством»[1300], то есть возвращение профсоюзов во власть. Обсуждение общей платформы продолжилось. Руководство ВСТ стремилось вымарать упоминания о «социалистической», «федеративной» республике и другие идеологические пункты. Если НКТ предлагала создать государственно-общественные органы, то ВСТ настаивал, что они должны быть государственными с участием профсоюзов. Неприемлемыми для новых лидеров ВСТ были и требования освобождения политзаключенных. «Тем не менее позиции лидеров обоих профсоюзов были теперь близки, как никогда прежде»[1301], — считает В. В. Дамье. Можно добавить — как никогда прежде с апреля 1937 г. ВСТ и НКТ договорились прекратить полемику, изучать «доктринальные различия», не признавать профсоюзы, вышедшие из другого объединения (эта мера направлена против перебежчиков из союза в союз). Новый пакт о единстве действий профсоюзов 12 марта 1938 г. предусматривал создание Национального комитета по связям, признание успехов правительства в создании армии, поддержку правительства. НКТ согласилась на национализацию тяжелой и военной промышленности, шахт, железных дорог, авиасообщения, банков и др. Но там должен был быть установлен рабочий контроль, включающий «вмешательство в управление и распределение прибылей», сильное социальное законодательство (включая минимум зарплаты при сдельной оплате). Сельскохозяйственные коллективы должны были работать в рамках закона и при государственной поддержке. НКТ признавала индивидуальное землепользование для желающих. Теперь уже не только на время войны, но и после войны стороны выступали за создание демократического правительства[1302]. Это происходило в то время, когда Республика стремительно теряла демократический характер.

Глиняный кулак

После мая 1937 г. в Республике шло постепенное «засыпание» общественно-политической жизни, ее превращение в бюрократическую рутину, контрастирующую с энтузиазмом первого года революции. С 1938 г. это можно объяснить поражениями на фронте. Но во второй половине 1937 г. военная ситуация еще не была безысходной. Зато полным ходом шло удушение демократии и революции.

После ударов по ПОУМ и НКТ пришло время заняться партией премьер-министра — ИСРП. Здесь важнейшей фигурой стал генеральный секретарь Р. Ламонеда. «Как социалистические лидеры государства и партии соответственно, Негрин и Ламонеда имели близкие суровые взгляды на дисциплину»[1303]. Ламонеда развернул систематическое наступление на кабальеристов и на низовые инициативы вообще — кроме организации митингов в поддержку правительства. Он проводил линию, которую историограф ИСРП Х. Грэхем характеризует как «молчание социалистической партии», твердую идентификацию партии и государства[1304]. Однако если в тоталитарных системах это приводит к мобилизации партийного актива на проведение государственных решений, то в условиях негриновского авторитаризма политика Ламонеды привела к тому, что партийные

организации ИСРП стали вариться в собственном соку и терять влияние на массы.

Первое время партийная жизнь еще кипела, так как аппарат Ламонеды вел войну с кабальеристами, вытесняя их из руководства парторганизаций. Кабальеристы обличали беспринципность политики правительства. 15 июля «Аделанте» сравнивала нынешнюю ситуацию с прежней покупкой голосов на выборах: «Мы знаем много случаев, когда люди стали коммунистами из-за того, что Россия предоставила им банку консервов и кило сахару. Рассуждая слишком поспешно, эти люди не замечают цены полученного. Конечно, нельзя просить помощи и желать, чтобы она была бескорыстной. Но есть люди, которые поступают так, будто эта помощь бескорыстна. Вы понимаете, — говорят они, — Россия — единственная страна, которая нам помогает, — я вступил в коммунистическую партию... Возможно, что завтра мы получим помощь от другой страны, например, от Англии. Следуя этой логике, мы должны были бы стать монархистами, так как в Англии монархический режим»[1305].

Негриня серьезно беспокоила активность предшественника, и он подумывал о репрессиях: «Кабальеро уже стал личностью и знаменем контрреволюции, и я вынужден буду в скором времени посадить его в тюрьму, тем более, что мы имеем уже доказательства того, что он и Ассенсио сильно скомпрометированы в сдаче Малаги»[1306]. Впрочем, Негрин так и не решился осуществить эту мечту — доказательства были хлипкими, да и арест такой крупной фигуры, как Ларго, буквально взорвал бы политическую ситуацию и еще сильнее скомпрометировал бы Республику в мире.

Сторонников Негрина и коммунистов также тревожило, что кабальеристы сблизилась с анархо-синдикалистами, Ларго Кабальеро выступал на митингах НКТ.

Кабальеристы стали бороться за демократизацию ИСРП и превращение Национального комитета в делегированный орган, состоящий из представителей парторганизаций. Но на пленуме Нацкома 19–21 июля левакам-демократам объяснили, что такие изменения может проводить только съезд, он же может переизбрать Нацком. А до конца войны съезда все равно не будет.

Членов Нацкома будоражил и другой вопрос — перспективы объединения с КПИ. Близкий к Негрину Х. Бугеда требовал скорейшего объединения и обвинял противников этого шага в предательстве, что вызвало возмущение более умеренного крыла — Де Грасиа даже подал в отставку из Нацкома[1307]. Негрину нужна была «своя партия», которая могла проводить его решения[1308], но этот новый шаг по пути от Народного фронта к «народной демократии» вызывал опасения в одолевшем леваков правом крыле ИСРП. Возобладала аппаратная позиция Ламонеды — объединяться, но не торопясь, путем верхушечных переговоров, «длительного сотрудничества».

Получив власть над партией, правое крыло стало «чувствовать нарастающее желание мести в адрес левых», которые в 1934–1936 гг. сдвинули партию влево[1309]. Орудием этой мести стало государство. 25 июля Ламонеда распустил исполком Валенсийской федерации ИСРП, где преобладали кабальеристы, обвинив его во фракционизме. Главой новой столичной организации Ламонеда назначил губернатора-социалиста М. Молину. Валенсийцы не

подчинились, и тогда Сугасагоития направил карабинеров и сотрудников службы безопасности, которые 26 июля захватили горком и редакцию «Аделанте». Чистки организаций ИСРП продолжились по всей Республике. Хотя полностью вычистить кабальеристов из партии не хватило времени, их воздействие на большую политику Республики было парализовано.

Одновременно блок коммунистов и правого крыла ИСРП развернул наступление на кабальеристское руководство ВСТ. Как перевес Ларго над реформистами в ВСТ в 1936 г. был достигнут благодаря вступлению коммунистов в это профобъединение, так теперь благодаря коммунистам перевес получили реформисты. Однако дело было не только в механическом перевесе, но и в падении революционной активности членов профсоюза во второй половине года. Применялось и исключение неугодных федераций из ВСТ под разными формальными предлогами (позднее они вернулись в состав Союза). Хотя полностью вытеснить кабальеристов из руководства ВСТ и его профорганизаций не удалось, профсоюз перешел под контроль майской коалиции.

Решающий удар был нанесен перед сессией Кортесов, где Негрин опасался контратаки Ларго как формального лидера фракции. 29 сентября кабальеристы потеряли руководство фракцией социалистов. 30 сентября был избран новый исполком ВСТ. Ларго был смещен с поста председателя ВСТ, который занял Р. Гонсалес Пенья. 1 октября кабальеристы были выведены из исполкома. 17 октября Ларго выступил с развернутой публичной речью. Хотя экс-премьер подверг режим Республики критике, однако ее лидеры напрасно опасались, что Ларго начал политическое контрнаступление. Он не планировал провоцировать раздоры, и его речь была политическим прощанием.

* * *

Республика стремилась подтвердить свою легитимность в глазах «демократий». 1-2 октября 1937 г. были созваны Кортесы. На них приехали даже некоторые правые депутаты — Маура, Портела, Гера дель Рио, Салаканизарес. Мстительные франкисты распространили письмо М. Портелы Вальядареса в поддержку Франко, направленное в октябре 1936 г. Республиканцы не стали мстить слабовольному Портеле.

Обсуждалась даже идея проведения новых выборов на территории Республики, чтобы доказать ее демократический характер Западу и собственной левой оппозиции. Но 30 сентября на совещании с коммунистами исполком ИСРП выступил против выборов. Ведь они увековечат раздел Испании — парламент перестанет быть общеиспанским.

Коммунисты склонялись к выборам, чтобы мобилизовать массы вокруг Народного фронта и вовлечь в систему власти анархистов, парировав их требование Национальной ассамблеи как временного представительного органа[1310].

Негрин и Прието считали идею перевыборов в принципе правильной, но неосуществимой. Негрин настаивал на перевыборах парламента в Каталонии[1311]. Прието вообще называл кортесы «комедией», а в декабре заявил: «Народный фронт — это труп»[1312].

В октябре 1937 г. президиум ИККИ рекомендовал КПИ способствовать проведению новых выборов, но руководство КПИ отнеслось к этой идее отрицательно[1313]. Сложившееся положение в структуре исполнительной власти вполне устраивало коммунистов, и они опасались, что выборы могут изменить эту расстановку.

В то же время насущной задачей оставалась консолидация всех антифашистских сил (за исключением разгромленной и оболганной ПОУМ). Без этого организация тыла сталкивалась со множеством лишних конфликтов. Но для майских победителей было принципиально важно, чтобы создание широкой координации сил не повлияло на характер верховной власти. В итоге возвращение профсоюзов (в том числе НКТ) во власть было допущено на региональном уровне при условии лояльности правительству Народного фронта.

8 октября в Валенсии был создан Народный антифашистский фронт. В него вошли партии Народного фронта, ВСТ, НКТ и ФАИ. Его программа требовала «покончить с кампаниями, которые могут повредить антифашистскому единству; помогать и содействовать делу экономико-индустриального преобразования, проводимого трудящимися и их профсоюзами на основе норм, которые будут установлены правительством». Другие пункты этой программы также были выдержаны в духе поддержки правительства. Не обошлось даже без поддержки «чистки профсоюзов и политических организаций». За все это партии Народного фронта были готовы признать себя (но только на городском уровне) частью некоего «Антифашистского Народного фронта», который объединяет партии и анархистов. В документе и кабинет министров Негрина был назван «правительством Антифашистского Народного фронта»[1314]. Но характер кабинета от этого не изменился. Просто анархо-синдикалисты нашли форму возвращения в политическую систему Республики.

* * *

Поражение НКТ-ФАИ в борьбе за власть в Каталонии привело к оттоку части анархо-синдикалистов в ОСПК. Во многом это было связано с тем, что ОСПК была радикальней КПИ, но имела сильные властные позиции в Каталонии. ОСПК даже провозгласила, что в Каталонии началась пролетарская революция[1315]. КПИ не поддержала эту идею[1316]. Ее планам пока соответствовало эволюционное наращивание влияния коммунистов за фасадом «демократического правительства». Но, во всяком случае в Каталонии, майские победители подтвердили: они тоже хотят углублять революцию, но только не в том направлении, как до мая 1937 г.

Торопливость каталонских товарищей вызывала новые опасения в Москве. Руководителей Коминтерна смущал также национализм ОСПК, не желавшей становиться частью КПИ.

27-28 января 1938 г. разразился конфликт между эмиссарами Коминтерна Тольятти и Гёре по поводу ОСПК. Гёре защищал своих подопечных от жесткой критики Тольятти за пережитки каталонского национализма. Тольятти утверждал, что ОСПК допускает «серьезные и постоянные ошибки в политической и экономической линии. А именно: противодействие во время передачи контроля над каталонскими военными заводами правительству Республики; давление на свободу крестьян, чтобы вынудить их продавать

свои продукты, поскольку не было разработано никаких законодательных норм, которые помешали бы принуждать каталонского крестьянина уступать продукты кооперативам[1317]; согласие с тезисами для подписания сепаратного мира в Каталонии, выдвинутыми ЭРК и ЭК[1318]. Наконец, националистическая идеология, свойственная мелкобуржуазному национализму и сепаратизму, далекая от позиций национального освобождения, основанного на марксистских принципах и солидарности народов Республики». Таким образом, каталонским товарищам досталось и за экстремизм, и за национализм, и за рискованные мирные инициативы за спинами Негрина и Коминтерна. Попытки каталонских националистов заинтересовать Францию превращением Каталонии в «зону мира» нервировали Коминтерн, несмотря на явную утопичность. Гёре с трудом убедил коллег, что ОСПК не поддерживает сепаратный мир без согласия партнеров по Народному фронту. Унаследовав роль заступника каталонцев у Антонова-Овсеевко, Гёре убеждал коллег, что часть проблем вытекает из шовинизма КПИ, которая «чинила препятствия каталонской партии, поскольку проводила политику, основанную на нежелании каким-либо образом сотрудничать с ОСПК»[1319].

По итогам правления ОСПК в Каталонии во второй половине 1937 г. Тольятти считал ее политику не соответствующей принципам коммунистического интернационализма и требовал «быстрого и непреклонного вмешательства интернационального органа, которое превратит ОСПК в чисто коммунистическую организацию, преданный Москве филиал КПИ в Каталонии». Гёре возражал, что ОСПК и сама идет к этой цели. По мнению историка ОСПК Ж. Пучсека, «интерпретация Гере соответствовала действительности в большей степени, нежели интерпретация Тольятти. Отношения КПИ и Коминтерна с ОСПК укрепились со времени майских событий. Каталонская партия осознала свои конкретные слабые места благодаря представителю Коминтерна. Процесс преодоления ее характера объединенной партии был реальностью»[1320]. В итоге, хотя и не сразу, возобладала позиция Гёре. Вскоре после поражения Республики ОСПК была принята в Коминтерн уже официально, а еще через десятилетие добровольно слилась с КПИ.

* * *

Несмотря на то, что синдикалистский сектор продолжал борьбу за выживание, новацией экономической политики Негрина стало резкое усиление роли государства в экономике. Это соответствовало мировым тенденциям и, как казалось, должно было помочь вести войну. Однако разочаровывающие результаты экономической политики Негрина лишней раз подтверждают — не все то полезно, что считается общепринятым. Внедрение бюрократического управления экономикой и вытеснение ею синдикализма усугубило социально-экономическое положение Республики и ситуацию в военном производстве.

Как пишут историки Ф. Комин и С. Лопес, «национализация, мобилизация и усиление государственного регулирования были главными целями военной экономики Негрина... Сначала, с мая 1937 г., он попытался направить республиканское производство в сторону увеличения ресурсов, вырабатываемых внутри страны, и направить их на воинские нужды. Централизация экономических решений не имела успеха. Затем, с апреля 1938 г., Негрин попытался осуществить такую централизацию через Министерство обороны, в частности,

посредством декрета о мобилизации, изданного в августе 1938 г. В конце 1938 г. Негрин попытался создать новое учреждение для усиления мобилизации, то есть, для ориентации экономической продукции на военные нужды»[1321]. Как видим, систематические провалы политики централизации не разочаровали в ней Негрина. Даже занятие им поста министра обороны тоже имело экономические мотивы — через это министерство он надеялся установить контроль за всеми ресурсами Республики[1322]. По мнению П. Тольятти, «Негрин склонялся к централизованному руководству всей экономической жизнью через государственный аппарат и полному подавлению частной инициативы»[1323].

16 сентября 1937 г. Министерство промышленности получило право вводить государственное управление на промышленных предприятиях, но с условием, что при этом «на предприятиях могли сосуществовать прежние собственники, уполномоченный правительственный управляющий и контрольный рабочий комитет»[1324]. Это решение еще было компромиссом с производственной демократией.

20 ноября 1937 г. был принят декрет «Об особых случаях введения государственного управления», который расширил возможности введения государственного управления предприятиями. Еще в октябре было введено государственное управление в «Объединенных электрических службах»[1325].

23 сентября 1937 г. Министерство обороны создало свою Комиссию по военной промышленности, которая изъяла из рук КВП Женералитата координацию военного производства, оставив каталонской структуре только 15 предприятий, которыми она фактически управляла (совместно с их рабочими советами, разумеется).

Сообщая рабочим предприятий, входивших в налаженную с таким трудом сеть военного производства, о том, что она прекращает существование, Ж. Таррадельяс писал: «Комиссия вас благодарит за то, что вы помогли нам в отношении материалов, используемых на производстве заводов... Я пользуюсь этой возможностью, чтобы от имени всех членов Комиссии и от себя лично выразить нашу признательность за активное сотрудничество, которое все это время мы находили у вас.

Я также прошу Вас принять нашу глубокую благодарность за постоянные жертвы, которые приносили все рабочие заводов ради того, чтобы Каталонии удалось мобилизовать такую эффективную промышленность и создать условия для снабжения военными материалами, необходимыми для борьбы, которую мы ведем, что обеспечит возможность нашей победы»[1326].

Реорганизация военного производства, предпринятая в этот момент Прието, а затем Негрином, стала, наряду с радикальным этатизмом ОСПК, одной из важнейших причин падения уровня производства каталонской экономики во второй половине 1937 г.

Рост государственного вмешательства и притеснения самоуправляющихся предприятий и синдикатов привели к тяжелым экономическим последствиям. Если в декабре 1936 г. производство в Каталонии составило 71 % от уровня июня 1936 г., а в июне 1937 г. держалось на уровне 70 %, то к декабрю 1937 г. произошло резкое падение — до 59,8 %, а к

июню 1938 г. — до 32,9 %[1327]. Мероприятия майских победителей особенно больно ударили по военному производству. В январе 1938 г. производство корпусов снарядов в Каталонии упало до 38817 в месяц (при анархистах было 120000) — меньше, чем даже в Леванте (41918)[1328]. Восстановить положение с помощью советских специалистов удалось, как мы увидим, только накануне падения Каталонии.

* * *

В 1938 г. милитаризация труда в Каталонии приняла еще более жесткие формы: «Автономная полиция должна следить во время рабочего дня за работником, оставляющим место, если он не имел временного разрешения от Управления...»[1329]. В то же время росло социальное расслоение. Рекордсменом в этом отношении был как раз не синдикалистский, а государственный сектор Каталонии: «В начале июня 1938 года по указанию президента ежемесячные оклады были установлены в размере 1500 песет для директоров заводов, 1250 для помощников директоров и администраторов, 1000 для врачей, 750 для практикующих врачей и пациентов, и 500 для медсестер. Зарплата технических и административных работников варьировалась. Так, зарплата неквалифицированных работников составляла около 100 песет в неделю. Эти величины относятся ко всем подразделениям в собственности Женералитата, то есть, к государственному сектору. На частных заводах, которые к 1938 году находились под контролем правительства, существовали все виды подобных ситуаций: было и повышение заработной платы на заводах обрабатывающей промышленности, поддерживаемой правительством, которое придавало ей большое значение; были заводы, получающие финансирование от Женералитата; и те, которые получали финансирование от результатов своего производства и реализации сырья; и даже те, которые получали финансирование от зам. министра, поддерживающего существующие стандарты, несмотря на то, что большую часть времени они ничего не делали»[1330]. Таким образом, усиление роли государства не повысило эффективности многосекторной экономики. Но Женералитат пытался сохранять хотя бы часть социальных завоеваний, которые теперь уже не опирались на экономическую стабильность и поддерживались инфляционным бюджетом.

Ситуация усугублялась и из-за роста числа беженцев, которое в марте 1938 г. достигло 700 000 человек[1331]. Рабочие в Каталонии голодали, норма питания составляла 100 гр. хлеба[1332]. «Мука, сваренная с водой, зачастую была единственной пищей в течение рабочего дня. Невозможность достать на рынке продукты питания и отсутствие какого-либо снабжения или[1333] рабочих завода, приводили к тому, что часто рабочие вместо того, чтобы быть на заводе, ходили по полю и собирали коренья», — сообщали советские специалисты о военных предприятиях. А вот для руководства действовали спецстоловые[1334].

В августе коллективизация была отменена в металлургии, горной и военной промышленности Республики. После ликвидации самоуправления на бывшем заводе Женералитата производство винтовок упало в октябре-ноябре с 600 до 450[1335].

В то же время правительство приступило к экономическому удушению синдикализированной промышленности, отказывая предприятиям в кредитах. «Необходимо ориентироваться на ликвидацию режима „синдикализации“ промышленности, который дает пищу корпоративистским тенденциям в недрах самого рабочего класса, ставя частные интересы той или иной группы превыше интересов рабочего класса и народа в целом»[1336], — указывал Секретариат ИККИ в сентябре 1938 г. Имелось в виду, что интересы рабочего класса и народа в целом выражают КПИ и государственная бюрократия Республики.

Когда выяснилось, что возжеленная национализация не улучшила, а существенно ухудшила положение, советские специалисты стали искать новый источник проблем. Они подозревали в саботаже связанных с И. Прието руководителей военной промышленности (так же, как раньше искали саботаж среди анархо-синдикалистов на коллективизированных заводах)[1337]. Но примеры, которые приводятся в советских донесениях, доказывают одно — с ликвидацией самоуправления, в котором раньше видели источник всех зол в промышленности, ситуация стала только хуже. «Наряду с добросовестной интенсивной работой большинства рабочих и мастеров, имеют место равнодушие и полное безразличие к работе со стороны ряда ответственных руководителей»[1338]. Пока действовала производственная демократия, работу предприятий направляли как раз эти добросовестные рабочие и мастера, а вот теперь, после осуществления национализации и прочих спасительных идей коммунистов и социал-либералов — равнодушные начальники.

Бесконтрольные начальники отправили в армию квалифицированных специалистов, сковывали работу инициативных сотрудников. Вопреки ожиданиям, что установление авторитарного управления позволит более рационально планировать работу военной промышленности, ее руководитель Л. Трехо утверждал, что «в военное время нельзя вообще говорить о каких-либо твердых планах»[1339]. «Суб-секретариат, который руководит промышленностью, сильно засорен враждебными элементами, которые используют каждый промах и ошибку наших людей с целью их компрометации»[1340], — жаловались советские специалисты.

Впрочем, в сбоях сборки самолетов, о которой шла здесь речь, была виновата и советская сторона — детали поступали с дефектами и нехватками. «Нужно понять, — писал главный советник авиации полковник Арженухин, — что грубые недостатки, которые мы обнаруживаем на присланной нам новой материальной части, компрометируют здесь, в Испании, не только нас, а всю нашу родину»[1341]. Правда, у советской стороны было хорошее оправдание всех проблем — в подготовке оборудования участвовали «разоблаченные враги народа»[1342].

Но дело не только в престиже СССР, ставки — куда выше. Арженухина волнует грядущее мировое столкновение: «Если наша промышленность будет нас снабжать в нашей будущей войне материальной частью с таким большим количеством грубых недоделок и дефектов, то она поставит нас в очень тяжелое положение»[1343].

Правительство Негрина устанавливало свой прямой контроль над промышленностью Каталонии, игнорируя мнение каталонских властей. В итоге даже Коморера стал

противником Негрина (чему, впрочем, способствовала отчаянная ситуация, когда участники трагедии стали видеть главного виноватого в своем премьер-министре). «Он с плохо скрываемой ненавистью к правительству и к Негрину говорил мне о губительной экономической политике последнего, о нарушениях прав Каталонии, о захвате рудников поташа, произведенных в самой грубой форме центральным правительством в последние дни, о губительной военной политике и т. д.»[1344] — рассказывал Марченко. В итоге мероприятия центрального правительства в Каталонии саботировали и анархо-синдикалисты, и каталонские партии, включая даже ОСПК.

«Романтизм и спонтанность революции не имели большой пользы против того железного кулака, который угрожал Республике»[1345]. Это предположение, которое тогда отстаивали коммунисты, Прието, Негрин и их сторонники, а сегодня поддерживает апологет Негрина А. Виньяс, оказалось опровергнуто на практике. Революция позволила хотя бы уравновесить силы и дать Республике шанс. Отказ от революционной стратегии оказался губительным, создать железный кулак Республика во главе с Негрином не смогла. И у Франко-то кулак не был железным, если сравнить с тем, что мы видели во Второй мировой войне. А уж у Негрина кулак и вовсе получился глиняным.

Как проиграть войну

Став военным министром, Прието принялся за реорганизацию армии. Если прежний план Генштаба, согласованный с советскими специалистами, предполагал, что лучше пополнять существующие части, чем создавать новые, Прието принялся формировать новые бригады[1346]. Они не были «заражены» милиционной традицией, но не имели боевого опыта. К тому же из 16 новых бригад оружия не хватало и на 8[1347].

Соотношение сил на фронте и без новых бригад было неплохим. На 1 км фронта приходилось по 1209 республиканских солдат и 625 франкистских под Мадридом и Харамой. На Арагонском фронте это соотношение было 120 к 60, на Гвадалахарском участке 180 к 50, на Гвадаррамском — 100 к 50, на Южном фронте 150 к 100. На Северном фронте, где Франко сосредоточил наибольшие силы, соотношение было обратным — 146 к 150 в пользу франкистов. А вот в Эстремадуре на 100 республиканцев приходилось неопределенно малое количество франкистов[1348]. Там бы и наступать. Но нет...

Как сообщал новый главный военный советник Г. Штерн, «с новым премьер-министром и новым Генеральным штабом работать стало легче». Впрочем, «много еще косности, нерешительности, медлительности у наших руководителей». Новый начальник Генерального штаба Висенте Рохо все еще держится за старое офицерство, не продвигает командиров-революционеров (то есть коммунистов) отчасти из соображений корпоративной солидарности, «отчасти сознательно, боясь полного овладения армией настоящими революционерами»[1349]. Еще сильнее, чем Рохо, «овладения армией» коммунистами боялся Прието. Он (как до него и Ларго Кабальеро) считал серьезной проблемой доминирование коммунистов среди комиссаров. Из 1373 комиссаров, на которых были получены данные, социалистами был 201 (14 %), 441 — коммунистами, 260 представляли ОСМ, 107 — ОСПК, то есть 59 % комиссаров находились под влиянием коммунистов[1350]. По

существо, коммунисты выстраивали параллельный офицерский корпус.

Прието настаивал, что армия должна стать «аполитичной, иначе имеется опасность трений и столкновений между антифашистскими организациями»[1351]. Он считал, что слава командиров-коммунистов — результат «определенной газетной кампании»[1352]. Причины такой политики Прието коммунисты не без основания видели в опасениях, что после победы «революционная армия будет играть решающую роль в определении экономической и социальной жизни, политического строя будущей Испании»[1353].

27 июня был принят декрет о запрете политической пропаганды в армии. Сначала он был поддержан основными политическими силами: «Каждая газета в отдельности утверждает, что декрет является осуществлением желаний организации, которую газета представляет, и что эта организация всегда защищала эту мысль, которую теперь выражает декрет»[1354], — сообщали советские наблюдатели. Причем противники коммунистов получили повод для злорадства. «Синдикалистка» писала: «С самого начала существовала партия, которая исключительно занималась вербовкой сторонников, „новообращенных“ в офицерском корпусе новой армии»; «декрет необходим для прекращения вербовочной работы компартии»[1355].

1 июля до коммунистов «дошло», что Прието собирается использовать декрет против их «борьбы за войско». «Мундо обреро» стала осторожно возражать против декрета: «В частных разговорах нельзя запретить говорить о партиях»[1356]. По сообщению С. Марченко, «когда в беседе Урибе потребовал от него объяснений, Прието в очень раздраженной форме сказал, что он не будет действовать по чужой указке, что он делает то, что считает необходимым делать»[1357]. Стало ясно, что блок майских победителей неустойчив.

Росло число комиссаров — выдвиженцев Прието, но, по словам советских военных советников, они не могли объяснить солдатам, «за что они должны рисковать своей жизнью или отдавать свою жизнь»[1358]. Но могли ли это теперь убедительно объяснить комиссары-коммунисты?

Прието предложил генеральному комиссару Альваресу дель Вайо установить квоту по 25 % для коммунистов, социалистов, анархистов и республиканцев[1359]. Урибе опротестовал эту идею. Тогда Прието стал утверждать назначения только республиканцев и социалистов. 700 комиссаров работало без утверждения министра, и он планировал провести увольнение неутвержденных[1360].

25 октября Прието официально запретил офицерам, занимающим командные посты, участвовать в политических мероприятиях и выступать с политическими заявлениями без разрешения министерства обороны. Министр выступил против персональных «героев»: «победа должна быть анонимной, и нельзя отвлекать общественное мнение от общего героизма масс»[1361]. Это вызвало неудовольствие не только лидеров КПИ и НКТ, защищавших право на агитацию в армии, но и самих «героев», привыкших заявлять свое мнение по политическим вопросам. Однако прославленным республиканским полководцам предстояло показать себя в деле.

После прихода к власти правительства Негрина и Прието планы наступления в Эстремадуре были оставлены. На обновленном Высшем военном совете[1362] прошла идея, которую давно лоббировали руководители Центрального фронта и которая соответствовала военным идеям Прието: вместо маневренной войны в Эстремадуре нужен менее «авантюристичный» удар в тыл группировке франкистов близ Мадрида. Эту идею поддержал и Штерн: «В конце июня — начале июля переходим в решительное наступление, наносим первый крупный удар белым. Целью этого удара мы ставим освободить Мадрид от осады и тем самым вытянуть в поле главные наши силы — мадридскую армию». Когда эти силы наконец придут в движение, можно будет нанести еще несколько ударов, и «к осени враг покатится»[1363]. Такие обещания Штерн давал не только Ворошилову, но и Сталину, к которому также апеллировал в письме (а Ворошилов переслал письмо вождю). И Сталин строил на них свои макрополитические расчеты. А враг к осени «не покатился».

Беда в том, что прорвать фронт под Мадридом было практически невозможно. В своей стратегии Прието и Рохо ориентировались на опыт Первой мировой войны. Антонов-Овсеенко докладывал: «Прието, который решает в основном линию правительства, ориентируется на пассивную военную политику, строя расчеты на победу, главным образом, ориентируясь на возможности фашистского тыла, он не убежден в необходимости активных действий»[1364]. Впрочем, воздействовать на состояние франкистского тыла, поддерживая партизанское движение, Прието тоже не собирался. Он надеялся на изменение международной обстановки, и прежде всего позиции Франции. Для этого было полезно сохранять баланс на фронтах — без поражений и с локальными победами. По наблюдениям советских военных специалистов, руководство Министерства обороны и Генерального штаба «в успешный исход войны не верят и ищут путей для ее ликвидации, но не путем военной победы»[1365].

То, что Генеральный штаб возглавил В. Рохо, вызвало ревность генерала Миахи, который таким образом оказался в формальном подчинении у своего бывшего начальника штаба. По мнению Р. Малиновского, ситуация была бы более здоровой, если бы самого Миаху при этом назначили главнокомандующим. Но этого уже не допустил Прието. В итоге Миаха фактически саботировал решения Рохо и Прието[1366]. Впрочем, достоинства главнокомандующего с такими чертами характера весьма спорны[1367].

Другие генералы тоже были настроены против Рохо. Его считали выскочкой и не готовы были беспрекословно выполнять указания Генштаба. «В армии нет главнокомандующего. Эта должность формально выполняется министром обороны и председателем Совета министров Негриным, но он со всеми своими задачами справиться физически не может. Начальнику генерального штаба Рохо командующие фронтами не подчинены и он всегда спрашивает там, где надо твердо решить и провести в жизнь»[1368], — докладывал советник Арженухин.

Рохо замыслил под Мадридом взять франкистов в клещи двумя ударами — через Брунете и непосредственно в районе Университетского городка. Но надежда пробить оборону

противника вспомогательным ударом непосредственно под Мадридом была наивной. В итоге республиканское командование само загоняло свои войска в клещи. По мнению военного советника Р. Малиновского, замысел наступления на Брунете изначально был порочен, так как втягивал войска в долину, над которой господствует противник[1369].

«Брунетская операция республиканцев в целом была очень хорошо подготовлена и началась для противника с полной оперативной внезапностью»[1370], — сообщал Р. Малиновский. Действительно, мудро было ожидать, что республиканское командование решится на такой абсурдный удар. К началу сражения республиканцы сосредоточили под Брунете 50 тысяч солдат, свыше 100 орудий, 100 танков, 40 бронемашин, свыше 100 самолетов. Противник имел 40 тысяч солдат, до 150 самолетов, около 60 орудий. Все эти силы сконцентрировались на фронте в 10–12 км.[1371]

Начав наступление 5 июля, республиканцы почти без боя проскочили между опорными пунктами противника и 6 июля, после бомбардировки, взяли городок Брунете. Но пробиться дальше уже не могли. До 7 июля франкисты удерживали опорный пункт Вильянуэва де Куньяда, контролировавший шоссе. Так что республиканцы сидели практически в мешке и не могли сразу развить успех. Франкисты получили возможность подтянуть резервы. Только 9 июля с шестой попытки взяли укрепленную деревню Кихорна. Части были переутомлены на жаре. В разгар сражения под Брунете Э. Хурадо сказал советскому военному советнику Г. Штерну, что не верит в успех[1372]. А Хурадо знал толк в военном деле — он командовал войсками при Гвадалахаре.

В районе Университетского городка республиканцы не смогли прорвать оборону противника. В результате удар республиканцев вылился в бесперспективную «мясорубку». Франкисты стали опасно нависать над флангами республиканцев. Ожесточенные бои 24–26 июля закончились оставлением Брунете с потерями почти половины армии. Республиканская пехота была настолько деморализована ситуацией, что бежала даже от собственных танков, возвращающихся из атаки (где эта пехота свои танки не поддержала). По мнению советского автора А. Г. Серебрякова, командование франкистов не ударило по флангам и не разгромило республиканскую группировку полностью, потому что «не было уверенно в наступательной способности своей пехоты, особенно в трудной для наступления местности»[1373]. И нужно было гнать лучшие силы республиканцев по этой трудной для наступления местности? Кихорну удалось удержать, но это было сомнительное приобретение, так как из-за изменения линии фронта пришлось здесь держать вместо 2–3 батальонов 15–18 [1374]. Шанс перехватить инициативу, который Республика получила весной 1937 г., теперь был практически упущен.

* * *

Однако до 1938 г. ситуация все еще была неопределенной. Франко сосредоточил значительные силы против страны Басков и Астурии, стремясь покончить с этим анклавом республики в своем тылу. Это отвлекло силы франкистов от остальных фронтов. Характерно, что в летних операциях противник еще не имел очевидного перевеса в авиации, а иногда и уступал республиканцам. Более того, по советским оценкам,

«усиленные действия авиации, нанесшие, по показаниям пленных, противнику очень большие физические потери, земными войсками почти не использованы»[1375]. Таким образом, Республика Негрина не смогла использовать стратегическую инициативу вовсе не потому, что франкисты имели технический перевес. Он будет существенно сказываться только в 1938 г.

Сохранялась возможность для наступления в Арагоне. Но вместо того, чтобы помочь имеющимся анархистским частям, центральные власти принялись за реорганизацию фронта, что изрядно его дезорганизовало. Прибывший в Каталонию и Арагон эмиссар правительства генерал Себастьян Посас решил показать анархистам, как умеют командовать профессиональные военные. Сюда же была переброшена и 12-я интербригада. В условиях дезорганизации фронта и тыла Посас 11–19 июня атаковал Уэску и потерпел поражение. Напрасно анархисты объясняли ему, что для взятия хорошо укрепленного города нужна техника, артиллерия, авиационная поддержка. Зато Посас значительно ослабил силы фронта — потери составили 1000 бойцов. От чаши некомпетентности Посаса испила и 12-я интербригада — погиб ее командир генерал Лукач (Мате Залка). По признанию коммуниста М. Штерна (генерала Клебера), неудаче под Уэской способствовали и другие факторы: раздражение бойцов поумовской дивизии репрессиями, развернутыми против «троцкистов», склонностью 12-й интербригады к «барахольству»[1376], противоречия командующих. Стало ясно, как несправедливы упреки в адрес анархистов — мол, не могут решить «легких» задач взятия Уэски и Сарагосы.

Неудачу под Уэской новое военное руководство республики восприняло как результат недостаточной реорганизованности фронта. Коммунисты и офицеры принялись за дело с новой силой. Была создана новая структура Восточного фронта. «Троцкистская» дивизия была распущена. Особенно тяжело на состоянии фронта сказался разгром Арагонского совета и связанной с ним социальной структуры — в том числе снабжения фронта[1377]. При этом анархистские командиры говорили о нежелании солдат драться, когда «их идеалы топчутся в тылу» (правда, в бою они все же показали себя хорошо)[1378].

В этих условиях всеобщей дезорганизации республиканское командование 24 августа начало наступление в Арагоне. Целью наступления было взять Сарагосу и остановить наступление Франко на Астурию. Командовали все тот же Посас и его начальник штаба коммунист Кордон. На этот раз в Арагон были переброшены значительные силы — целый 5-й армейский корпус, командование которого было почти сплошь коммунистическим — комкор Модесто, комдивы Листер, Эль Кампесино и Вальтер; 45-я дивизия Клебера (тоже преимущественно коммунистическая) и 27-я дивизия Труэбы. Здесь же были четыре интербригады. Для наступления на Сарагосу было сосредоточено 22–23 бригады, до 120 орудий, до 120 самолетов, около 65 танков Т-26, 45 бронемашин. Если бы такое подкрепление прибыло на Арагонский фронт в начале 1937 г., Сарагосе было бы трудно устоять. Но теперь анархистские силы были деморализованы, а коммунисты, уверенные в своем превосходстве, не слушали советов тех, кто знал особенности этого театра военных действий.

Советский военный советник Нестеренко анализировал эту операцию: «Операция по овладению Сарагосой, начавшаяся 24 августа, войдет в историю здешней войны как еще

одна упущенная возможность. Как и под Брунете была достигнута внезапность, силы республиканцев намного превосходили противника, решительное наступление вызвало в его рядах панику, о чем говорят и количество перебежчиков, и действия батальонов 13 бригады „Домбровского“. Характер действий относительно немногочисленной авиации противника был исключительно оборонительный»[1379].

Ошибкой республиканского командования было распыление сил. Они наступали сразу с восьми направлений, и успеха достигли только в районе городка Бельчите, который был взят 35-й дивизией Вальтера (в дальнейшем республиканская пропаганда и называла Сарагосскую операцию битвой при Бельчите, чтобы представить неудачу победой). 26 августа появились слухи (как оказалось, неверные) о переброске итальянцев в Арагон. Республиканское командование тут же перешло к обороне. Как комментировал Р. Малиновский, «республиканское командование приняло решение провести операцию с целью отвлечь силы фашизма с севера на себя, и при первом сведении, что силы фашизма поворачиваются лицом к этой операции, оно (республиканское командование) пришло в испуг и прекратило операции»[1380]. Франко не стал отвлекаться от наступления на Астурию. Было достаточно переброски подкреплений из-под Мадрида, так как было очевидно — сейчас республиканцы там не ударят.

Нестеренко называл такие причины неудачи, как ввод в бой частей «не восстановленными после брунетских боев» (дивизия Литера «не оправилась ни физически, ни морально после катастрофы под Брунете»), враждебность Листера и комкора Модесто, неверие в успех операции Рохо и Прието. Они имели на это основание, но ведь они же и дали добро на проведение неподготовленной операции[1381].

В результате политики Прието в июне — августе не были устранены прежние недостатки, но добавилась новая проблема. С подавлением милиционной системы офицерство, неконтролируемое со стороны бойцов, стало своевольной кастой, в которой усилились прежде сдерживаемые негативные черты. Как сообщали советские военные советники, «старый офицерский состав совершенно обособленно держится от бойцов и никаких бесед с ними вне службы не проводит, и поэтому и нужд солдат офицеры не знают. А если и знают, то мер по удовлетворению нужд солдат не принимают. Полная косность и беззаботность в этом вопросе. Молодые офицеры воспринимают традиции старых офицеров и в заботах о бойцах несколько не отличаются от старых офицеров»[1382].

При этом командиры оставались своевольными и в отношениях с командованием. И этому способствовала дисциплинарная политика Прието. Комиссар Центральных войск, социалист Пиньюэла рассказывал: «Ответственность за поражения все больше и больше возлагается на солдата, на которого со всей тяжестью падает ...наказание по кодексу военной юстиции, который слишком строго трактуется постоянными судами. Ответственность, которая должна быть тем больше, чем выше пост, практически испаряется полностью по мере восхождения по иерархической лестнице»[1383].

На фоне других выделялся Э. Листер — гордость компартии. «Листер остался прежним, точно феодал, независимым ни от кого и не желающим повиноваться кому бы то ни было Листером. Никто из старших начальников не был наказан за формализм и саботаж; о

подготовке войск некому было позаботиться, как и раньше все стремились к созданию новых бригад, вооружаемых для того, чтобы в первом же столкновении снабдить противника нашими же винтовками и пулеметами», — считал комдив Вальтер (Сверчевский). Он вообще утверждал, что первая Сарагосская операция конца августа — сентября «была тактически сорвана головной дивизией Листера, не выполнившего ни одного приказа командования»[1384]. При этом Листер враждовал и с другими командирами-коммунистами. Вальтер писал о «глубокой вражде» Листера и Модесто, «в основе которой лежат исключительно личные моменты зависти функции и чинов». В феврале 1938 г. проводилось даже специальное совещание с членами ЦК, чтобы их примирить[1385].

Вальтер, которому удалось все же взять штурмом укрепленную деревню Бельчите, обращал внимание, что за последние месяцы противник создал в Арагоне сеть укреплений, которой не было раньше[1386]. Ах, если бы танки и самолеты поступили на Арагонский фронт весной 1937 г.

«Наконец, и это наиболее важно и существенно — операция не могла быть доведена до конца, вследствие недопустимо низкой устойчивости и боеспособности войск, примером чему могут служить бригады 24 дивизии, с первого дня операции взявшие курс на отход при малейшем нажиме противника, а нередко и без всяких признаков активности с его стороны»[1387], — продолжает Вальтер.

Политика Негрина и Прието не улучшила подготовки армии и существенно ухудшила положение в тылу: «Испанская пехота слаба тем, что не имеет хорошего обученного младшего состава. Солдат обучен плохо. Снабжение последнее время ухудшилось. Нет ботинок, солдаты ходят в тапочках-туфлях, нет шинелей, теплого обмундирования. Резко ухудшилось питание; солдаты жалуются на недоедание, нет табаку. Все это создает нездоровые настроения. Кроме того, во многих частях состав и солдаты не получают несколько месяцев зарплаты; поэтому их семьи голодают. В тылу нет хлеба»[1388], — сообщали советские специалисты. Военные преобразования и администрирование Прието серьезно ухудшили положение солдат. Не обеспечивалось мытье, распространялась вшивость. Пищу солдаты иногда не получали несколько дней. Это вело к падению морального состояния и устойчивости в бою. «Буквально без куска хлеба и воды, измотанные, целые части вынуждены были бросать позиции и в панике отступать. Солдаты в таких случаях группами, уходя с фронта, искали воду и пищу»[1389]. Реорганизация Арагонского фронта в соответствии с принципами «регулярности» по Прието не улучшила, а ухудшила ситуацию.

Вторая Сарагосская операция оказалась хуже первой. Планировался удар с юга на север. Как рассказывает советский военный специалист Леонидов, «сразу выявились все противоречия, интриги, склоки и дразги между испанскими офицерами, имевшие довольно большую давность»[1390]. «В 21-м корпусе командир 11-й дивизии Листер прямо заявил, что не отдает приказа на атаку, так как его дивизия „бросается контрреволюционерами на убой“»[1391]. «Командир 21-го корпуса подполковник Кассадо заявил, что задача невыполнима и операция абсурдна. Командир 11-й дивизии Листер заявил, что хотят уничтожить актив коммунистов и разгромить его дивизию. В 25-й анархистской дивизии

были разговоры, что их дивизию хотят уничтожить коммунисты». Характерно: у анархистов — только разговоры, понятные после антианархистских действий последнего времени. А у коммунистов — комдив не хочет сражаться. То, что раньше вменялось в вину анархистам, теперь стало реальностью после победы над ними коммунистов. Впрочем, коммунисты были не хуже и не лучше. Начштаба Рохо стремился подставить Касадо (это было характерно и для других офицеров). Касадо и другие комкомы и комдивы произвольно меняли направление удара[1392]. «В успех повторной операции не верил никто, начиная от старшего начальника и кончая последним солдатом, правда, за исключением двух наших советников востфронта»[1393]. Леонидов и Григорьев не знали состояния фронта и вымучили операцию. Они никого не слушали и вели себя высокомерно. «К сожалению, оба они не составляют исключения среди нашего советнического аппарата»[1394], — утверждает Вальтер.

11 октября после артподготовки пехота в атаку не пошла. Пришлось повторить артподготовку, после чего двинулась 45-я дивизия. Другие остались на своих позициях. Но через 200–300 м залегли и эти бойцы.

Но тут в Арагон прибыл полк новейших советских танков БТ-5. Вера в танки (тем более — не Т-26, а невиданные скоростные БТ) была столь велика, что в условиях провала второго Сарагосского наступления их восприняли как манну небесную. Вот что позволит переломить ситуацию и добиться желанной победы!

Было решено бить танками на Фуэнтес де Эбро — практически в лоб франкистам. Полк только что прибыл. Пока выдвигались на позицию, приготовления заметили франкисты. Но главная проблема была в другом: место совершенно не годилось для танковой атаки — болотистая местность, укрепленные позиции противника. Советские военные советники Леонидов и Григорьев погнались полк в атаку, не подумав об этом. Советская армия показала себя полной противоположностью республиканской вольницы, которой так возмущался Леонидов: командир полка Кондратьев подчинился заведомо ошибочному приказу без рассуждения.

Свои приказы совсоветники мотивировали скорее политически, чем оперативно-тактически. Как рассказывал командир полка Кондратьев, советник Леонидов поддерживал начштаба Кордона как «единственного коммуниста на востфронте... Для создания авторитета и поддержания Кордона нужно всегда быть готовым к выполнению его приказа». Тем более, что все его приказы готовили совсоветники[1395]. Кордон, впрочем, честно предупредил, что сейчас фронт не сможет помочь танкам: «Вы танки, да еще быстроходные, проскочите самостоятельно»[1396]. С миру по нитке собрали пехотный десант на броню.

Кордон сообщил, что якобы у противника под Фуэнтес де Эбро нет сил[1397]. «Насчет укреплений можете не сомневаться. У противника люди такие же лентяи, как и у нас, укреплений не делают»[1398]. И это при том, что Фуэнтес де Эбро — крупный укрепленный пункт, который уже штурмовали полтора месяца без успеха[1399].

13 октября БТ ринулись на врага. Пехота фактически не поддержала атаку, танки оторвались. Увидев бесперспективность атаки, Кондратьев отдал приказ «все кругом». Но в

это время часть танков уже увязла в болоте на хорошо пристрелянном противником пространстве. В итоге атака БТ под Фуэнтес де Эбро закончилась полным провалом. Полк потерял 19 танков из 43[1400]. Разгром полка деморализующе подействовал на республиканцев, которые очень надеялись на танки. Помимо общего головопатыства командования (включая и советских военных советников), важная причина провала — отсутствие энтузиазма у пехоты. Ни старые арагонские бойцы, ни коммунисты Листерера, ни тем более недавно призванные солдаты регулярных бригад не хотели бежать на хорошо подготовленные к обороне позиции. У республиканцев в этой операции было все: и танки, и патроны, и снаряды, и иностранные советники. А вот люди уже потеряли энтузиазм. И это важно понимать тем авторам, которые видят причину поражения Республики только в техническом превосходстве противника и ослаблении советских поставок.

В октябре 1937 г. Восточный (Арагонский) фронт подвергся полной реорганизации. Бригады, оставшиеся под командованием анархистов, были сведены в 10-й корпус, а остальные серьезно «вычищены». Были ликвидированы остатки милиционной системы. Как показали последующие события, это привело к дальнейшему ослаблению боеспособности фронта.

Северный анклав

Северный анклав Республики, состоявший из страны Басков, Астурии и Сантандера, был вторым по значению очагом промышленности после Каталонии, а в некоторых отношениях превосходил ее. В Басконии были расположены металлургические, машиностроительные и кораблестроительные предприятия, в Астурии — добыча полезных ископаемых. На Севере были расположены важные предприятия военного значения[1401].

Поэтому расчленение территории Республики на две части имело такое большое значение — поставки из Басконии и Астурии, которые были важны для обеспечения центральной части Республики боеприпасами (например, орудийные капсюли), приходилось везти по воздуху через территорию франкистов, а Арагон и Каталония не могли поставлять продовольствие голодающему Северу. Блокада болезненно сказалась на положении северо-западного анклава Республики. В конце 1936 г. население не получало мяса. Молоко, сахар, хлеб выдавались скудно по карточкам[1402].

В промышленности Басконии преобладала частная собственность. Это не способствовало высокой эффективности производства. Многие предприятия простаивали, даже если их можно было бы загрузить военной продукцией. Управленцы не утруждали себя экономией. При дефиците алюминия предприятие «Фарле» выпускало коммерчески выгодную алюминиевую посуду. На других предприятиях транжирили импортный каучук[1403]. Как видим, эта проблема не была связана с синдикализмом.

В ноябре 1936 г. у республиканцев на Севере было 25–30 тысяч бойцов[1404]. Еще в марте 1937 г. у республиканцев на Северном фронте сохранялся количественный перевес в силах — 70 тыс. бойцов при 200 орудиях, 20 танках и 35 бронемашинах против 48 тыс. франкистов при 70 орудиях и 30 танках. Очевидный перевес на этом театре у франкистов был только в авиации (80 самолетов против 34 старых республиканских) и флоте (о чем ниже)[1405].

Однако попытка республиканцев наступать в декабре 1936 г. на Витория не удалась. В феврале 1937 г. они неудачно атаковали занятый франкистами Овьедо.

Слабость республиканцев здесь имела две основные причины: низкая подготовка бойцов (их обучение шло медленнее, чем на Центральном и Арагонском фронтах), горный рельеф (но его потом преодолеют франкисты) и политическая раздробленность. Если даже анархисты, коммунисты и каталонские националисты в Каталонии смогли договориться о правилах игры, то на Северном фронте договариваться приходилось по каждому конкретному поводу.

Камнем преткновения антифашистского единства были баски, располагавшие самыми многочисленными силами (36 батальонов, в то время как у Астурии и Сантандера соответственно — 26 и 16 батальонов[1406]). Советские наблюдатели докладывали, что делу мешают, с одной стороны, «непонимание национального вопроса со стороны руководящих работников-испанцев на севере и, с другой стороны, „петлюровщина“ басков, особенно президента Агирре...» Баскский президент характеризуется как «очень способный администратор». «Он хорошо знает местные условия и людей, ловкий, предприимчивый капиталист, немного жуликоватый — „одессит“, как мы называем его в шутку, но как политический деятель — это самая крупная и авторитетная фигура на севере»[1407]. Во главе армии басков стоял капитан Арамбарри, настроенный открыто враждебно к СССР.

При этом баскское руководство не было чуждо «великобаскского шовинизма» — на переговорах в Мадриде его представители претендовали даже на Наварру[1408]. Однако Баскония не была такой проблемой для центрального правительства, как Каталония. Ведь Северо-запад был отрезан франкистами и «варился в собственном соку». Зато на баскских националистов не было управы, кроме угрозы поражения в борьбе с фашистами. Но и она не очень действовала. Командующего фронтом Ф. Льяно де Энкомьенда баски не признавали, в каждом случае требовалось согласование решения командованиями всех трех секторов фронта. В результате, как сообщали советские наблюдатели, «астурийцам не оказывается надлежащей помощи со стороны басков и сантандерцев»[1409]. При попытке начать наступление на Виторию президент басков Агирре забрал баскскую колонну, которая должна была обойти противника, и тем сорвал операцию[1410].

После сложных переговоров 13 января 1937 г. под давлением испанского премьер-министра Ларго Кабальеро и советских советников правительство страны Басков (Эускади) пошло на частичные уступки и приняло следующее постановление: «Все вопросы, связанные с ведением войны, касающиеся использования людей и материальных ресурсов на территории Эускади, за исключением руководства военными операциями, остаются в прямой зависимости от правительства Эускади и его военного министра». Баскское командование готово координировать свои действия с общим командованием, оказывать всю возможную помощь. Формально признавалось, что баскские военные силы входят в Северную армию[1411]. Это был максимум уступок, на который готовы были пойти баскские националисты. На практике, как мы увидим, баскские лидеры продолжали политику военной самостоятельности и при «руководстве военными операциями», что будет иметь печальные последствия. Такое поведение баскских националистов было во многом обеспечено тем, что у него, в отличие от националистов Каталонии, не были связаны руки. Общеиспанские движения были в Эускади значительно слабее, чем в Каталонии.

Однако это не мешало им бороться друг с другом. Так, коммунисты гордились своей работой по разложению анархистской милиции: «в анархистские батальоны под видом анархистов-добровольцев были подброшены настоящие коммунисты, которые провели соответствующую работу»[1412]. Влияние анархо-синдикалистов сохранилось только в нескольких батальонах и в городе Хихон[1413]. В испанских регионах Севера доминировали социалисты и коммунисты.

1 апреля 1937 г. Франко начал наступление на страну Басков с востока. 26 апреля авиалегион «Кондор» разрушил древний баскский город Гернику, надеясь деморализовать обороняющихся. В начале июня франкисты подошли к Бильбао. Агирре в отчаянии молил Прието помочь авиацией. «В ответ ссылались то на „плохую погоду“, то на „малый радиус действия истребителей“. Однако „плохая погода“ не мешала самолетам легиона „Кондор“ контролировать воздушное пространство до десяти часов в день и, сменяя друг друга, непрерывно бомбить позиции басков»[1414], — пишет Ж. Сория.

* * *

Особую роль в судьбе Севера играли военно-морские операции — ведь он мог снабжаться только по морю и по воздуху. Северный флот республики был очень скромнен — всего два эсминца, три подводные лодки, торпедный катер и несколько вооруженных пароходов. Им противостояли 1–2 крейсера (каждый из которых мог без труда потопить надводные суда республиканцев), миноносец, минный заградитель и вооруженные пароходы[1415]. Однако в апреле 1937 г. франкистский линкор «Эспанья» взорвался недалеко от Сантандера и утонул. Скорее всего, его утопила британская подводная лодка при попытке задержать английский пароход. Это событие имело большое значение, так как без этого линкора франкисты не смогли надежно блокировать порты северного анклава Республики[1416].

1 июня 1937 г. на Северном флоте произошел так называемый «путч Наварро», оказавшийся своеобразной моделью развития республиканской военно-политической элиты от майского кризиса 1937 г. к мятежу, покончившему с республикой в марте 1939 г. Командующий Северным флотом капитан Э. Наварро, бывший адъютант Асаньи, позиционировался как военный вне политики. Но в частных разговорах печалился, что «испанцы убивают испанцев». «Матросский состав кораблей в большинстве своем был стихийно-революционно настроен» и не доверял командующему (как потом выяснилось — не без оснований), — свидетельствовал советский советник А. Александров. Тогда Наварро решил одним ударом «устранить из числа команд кораблей революционно-настроенных моряков, не веривших комфлоту и угрожавших ему расправой». По согласованию с Наварро баскская полиция подъехала к эсминцам, захватила охрану и арестовала команды кораблей. Подводные лодки трогать не стали — их команды просто нечем было заменить. Команды эсминцев заменили басками. В итоге переворота «флот фактически переходил в ведение баскского правительства». С учетом того, что баски предпочитали действовать самостоятельно, не очень считаясь с нуждами соседей, это должно было ослабить силы фронта.

Но сам Наварро проводил свои действия так же, как и майские победители на остальной территории республики — под флагом порядка: «если до сих пор мы (т. е. офицеры)

работали под угрозой револьвера, то сейчас под такой угрозой будут работать матросы». Емкое объяснение, которое вполне устроило и Валенсию. Прието одобрил действия Наварро, а министр от басков Ирухо поздравил его с удачно проведенной операцией. Правда, морские операции под командованием Наварро не активизировались — ведь басков еще нужно было обучить обращению с благоприобретенной техникой. Впрочем, как потом выяснилось, Наварро и не собирался драться с франкистами, и смысл его желания избавиться от матросского револьвера был совсем в другом. В откровенных беседах Наварро возражал тем, кто предлагал облегчить участь арестованных матросов: «А они были к нам гуманными 18 июля?». Имелось в виду, что матросы убили морских офицеров, попытавшихся поддержать мятеж в 1936 г. Не удивительно, что советские советники стали выступать за снятие Наварро. Но ситуация развивалась быстрее[1417].

Франко методично наступал на Бильбао. Республиканцы рассчитывали на линию укреплений Сентурон. Но строивший ее инженер перебежал к франкистам, и стало ясно, что она и построена негодно, а все ее детали известны врагу. За короткое время республиканцы успели построить новые укрепления, заткнуть часть дыр. Когда устремившиеся в брешь Сентурона франкисты напоролась на свежие оборонительные линии, они решили не рисковать, и сосредоточили для прорыва 30 орудий на километр и продвигались очень осторожно — по 4 км в день и поставили Бильбао под угрозу окружения. Горев рассказывал, что «артиллерия буквально уничтожала укрепления»[1418]. Но ожесточенные бои вокруг города продолжались. На высотах Арчанда под обстрелом и бомбовыми ударами держались остатки 4-й астурийской бригады и два-три батальона басков. Потеряв десятую часть своего состава, «синие»[1419] были сброшены с высот, белая пехота заняла высоты, и когда ушла авиация и ослаб артиллерийский огонь, синие пошли в контратаку и высоты захватили»[1420]. Но эта героическая борьба не могла спасти город от противника, выходившего в тыл обороняющимся.

Когда падение Бильбао стало неизбежным, республиканцы принялись уничтожать мосты и предприятия, но баскская полиция мешала им. Эвакуация происходила почти стихийно, дороги были запружены беженцами и обстреливались флотом противника. Подводные лодки перешли в Сантандер, а вот Наварро 14 июня повел эсминцы во Францию. Оказалось, что цель «наведения порядка» Наварро заключалась в том, чтобы беспрепятственно вывести во Францию часть баскских лидеров с семьями и сбежать самому. Матросы (включая и басков) были возмущены этим бегством. 21–22 июня команды вернули корабли в Сантандер. Здесь флот очень пригодился, так как франкисты попытались полностью заблокировать Север»[1421].

19 июня Бильбао пал, республиканцы с трудом закрепились у Кастро-Урдиалес. Поражение на время сплотило северян, они создали объединенную Хунту севера во главе с командующим Гамиром Уррибари, в которую вошли губернаторы Сантандера Руис, Астурии — Томас и президент басков Агирре.

На оставшейся у республиканцев территории скопилось до 175 тысяч беженцев, англичане и французы согласились вывозить их. Но после того как было вывезено меньше десятой части, к республиканцам поступило письмо: «Адмирал английского флота в Кантабрике напоминает о поддержке, оказываемой республиканцам для эвакуации гражданского

населения и, в знак благодарности за таковую, просит губернатора Сантандера выпустить на свободу всех арестованных фашистов и разрешить последним, равно как и всем желающим элементам правого направления, выехать за границу; отправка всех таких лиц могла бы производиться в пропорции 15–20 % от общего числа эвакуированных республиканцев, то есть на 1000 человек приходилось бы 800 или 850 республиканцев и 150–200 фашистов и всякого рода реакционеров. Губернатор мог бы удержать в Сантандере некоторое количество очень провинившихся фашистов, имея последних как заложников, но держа их на свободе...»[1422] Этот профашистский ультиматум британского командования был отвергнут. Треть беженцев удалось вывести гражданскими пароходами несмотря на угрозу их потопления.

Из-за морской блокады в конце июля продовольствия в северном анклаве оставалось на несколько дней. Но 11 августа республиканский флот под фактическим руководством советских специалистов провел изящную операцию «Маятник». Своими небольшими силами республиканцы смогли отвлечь крейсер «Сервера», подбить минный заградитель «Юпитер» и провести в Хихон целый конвой с продовольствием и горючим. Признав неудачу, франкисты сняли блокаду[1423].

Однако судьба фронта решалась на суше. 14 августа франкисты и итальянцы начали наступление на Рейносу, рассекая территорию республиканцев. Почти половина баскских сил не стала отступать дальше и капитулировала у Сантоньи[1424]. 24 августа Сантандер был окружен. Около 3000 бойцов и 2000 гражданских эвакуировались по морю в Хихон, около 2500 солдат и более 3000 населения — во Францию.

На последнем этапе борьбы, во время обороны Астурии, сопротивление возглавили губернатор Томас и командир полковник-баск Прадо (он уплыл из Сантандера под носом франкистов на лодке даже без весел — гребли саперными лопатками и добрались до республиканцев)[1425]. Несмотря на то, что республиканцы в конце августа попытались предпринять наступление на Арагонском фронте, оно было недостаточно сильным, чтобы нарушить планы Франко. 4 сентября он начал наступление в Астурии. 21 сентября Хихон пал.

По советским оценкам, «с ликвидацией севера мятежники получили великолепные атлантические порты — Бильбао, Сантандер, Хихон для свободной и прямой связи с Германией; развитую горно-металлургическую промышленность и, наконец, освободили свои войска, воевавшие против республиканского севера»[1426]. Это означало, что стратегическая инициатива, которую Республика могла перехватить после Гвадалахары, возвращалась к Франко. Он получал свободные силы для удара.

Но войска, штурмовавшие Север, были утомлены, Франко еще не был уверен в своих силах, и это дало Республике передышку и последний шанс самой выбрать место для удара. Этим местом стал Теруэль — форпост франкистов между центральной частью Республики и Каталонией.

Рассечение Республики: от Теруэля до Арагона

Сражение под Теруэлем стало крупнейшим разочарованием республиканцев. Некоторое время казалось, что преобразования Негрина и Прието, военное искусство Рохо действительно дают плоды. Это впечатление было ошибочным, и Теруэль запустил цепную реакцию неудач.

Теруэль был «костью в горле» Республики уже давно, франкистским плацдармом, опасно приближенным к морю, между Центральной территорией Республики и Каталонией. Начальник Генштаба В. Рохо направил под Теруэль 12-15 бригад, добившись восьмикратного превосходства в живой силе. 15 декабря 22-й корпус (11-я, 25-я дивизии) и 18-й корпус (34-я, 64-я дивизии), поддержанный 68-й дивизией, нанесли удары навстречу друг другу в обход Теруэля. «Удар для противника был неожиданным и ошеломляющим (он и мысли не допускал, что республиканцы способны на превентивные удары), и первый день операции принес большой успех»[1427], — сообщал Р. Малиновский. На этот раз были успешно применены танки — постепенно приходил опыт. Правда, на этот раз героический Кондратьев вел полк, «идя впереди танков пешим порядком»[1428].

19 декабря 11-я дивизия Листера и 64-я дивизия соединились, окружив Теруэль. Но после этого республиканцы развивать успех не стали, отбросив франкистов от Теруэля недостаточно далеко.

По мнению Р. Малиновского, «ясно, что противник все бы бросал на встречу, и его можно было бы бить по частям. Это была бы величайшая победа республики. Противник медленно вообще реагирует на навязанную ему обстановку, только через 5 дней появились на теруэльском направлении наваррские части мятежников»[1429]. Однако В. Рохо воспринимал эту операцию как локальную. 25 декабря главным командованием было решено, что операция закончилась, что противник смирился со сдачей Теруэля и что часть авиации можно отвести на береговые аэродромы, а штабу авиации вернуться в Барселону[1430].

Не успели республиканцы добить окруженных в Теруэле франкистов (они сопротивлялись до 7 января[1431]), а Республика уже воспряла духом. Еще бы — вот она, наконец, долгожданная победа, свидетельство оправданности проводимых в Республике преобразований. Однако скоро выяснилось, что сражение только начинается. Но 21 декабря Рохо вывел из-под Теруэля 22, 18 и 20-й корпуса.

Как отмечал Р. Малиновский, учитывая моральный и международный эффект взятия города республиканцами, «не могло быть и речи, чтобы Франко смирился с падением Теруэля и начал где-то новую операцию»[1432].

Рохо и его сотрудники утверждали, что операция «уменьшила угрозу наступления Франко от Теруэля к морю для разделения территории республиканцев на две»[1433]. Р.

Малиновский (советник Маневренной армии) возражал: «Эта оптимистическая оценка результатов, как показали события, была преждевременной и ввела в заблуждение наших руководящих товарищей в самом основном — в оценке потерь с обеих сторон; в вопросе истощения — изматывания своих сил и противника, и, наконец, в том, что эта операция уже окончена»[1434].

«Вырвав на пять минут инициативу из рук фашистов, оно испугалось своей решительности и добровольно от нее отказалось, приказав войскам храбро умирать под тоннами чугуна и стали в полной пассивности»[1435], — писал о республиканском командовании полковник Богданов.

Уже 26 декабря возобновились атаки противника. Командование приказало вернуть силы авиации, но сразу это нельзя было сделать из-за погодных условий.

Здесь важно отметить, что во всех операциях второй половины 1937 г. проблемы с авиацией возникали у республиканцев не из-за недостатка поставок из СССР. Именно под Теруэлем стал чувствоваться перелом в этом отношении, но только с января.

30—31 декабря противник нанес контрудар. «Уставшие части республиканцев не выдержали контрудара и начали отходить. На участках некоторых бригад возникла паника»[1436], — сообщалось в сводке боевых действий. Франкисты прорвали оборону левого фланга республиканцев и заняли Кампилья и Муэлья де Теруэль, подойдя вплотную к городу. Воспользовавшись тем, что республиканская авиация улетела, франкисты обрушили на республиканские позиции удар 50 «Хейнкелей» и 80 истребителей, «то есть всю авиацию, способную летать»[1437], на этом фронте. В январе 1938 г. республиканская авиация вернулась, и стало ясно, что время упущено — противник стянул сюда превосходящие воздушные силы. Как сообщал главный военный советник Г. Штерн, «авиация белых, в действительности, в период его 3-х контрнаступлений не давала жить нашим войскам, нанося очень большие потери, в то время как воздействие нашей авиации на войска белых было по крайней мере в пять раз более слабым. Командиры пехотных частей страшно ругают нашу авиацию; они, правда, не знают, насколько количественно она слабее авиации белых. Должен заметить, что сама наша авиация качественно стала работать хуже, чем раньше, что в основном объясняю некоторой подавленностью настроения летсостава, видящего количественное превосходство белой авиации»[1438].

На новый год пошел снег. По словам советника Троценко, «если бы не снежный буран, то Теруэль был бы взят фашистами еще 2.1.»[1439] «Под Теруэлем было холодно, нестерпимо холодно для испанцев; кажется, мороз доходил до двенадцати градусов при сильном ветре. Камни покрывались слоем льда, люди падали и ползли вверх на четвереньках»[1440], — рассказывал И. Эренбург.

Попытки республиканцев отбить высоты к западу от Теруэля не удались. Противник навис над городом. 15 января франкисты нанесли удар по правому флангу республиканцев на высоты Альто де лас Селадас и взяли их.

Под Теруэлем выяснилось, что «пехота республиканцев — неплохая пехота, она способна на любой героический поступок и способна к упорному и длительному бою. Но все дело в том, что руководители (офицеры) порой никудышные... Офицер во время боя как правило оставался в тылу или прятался в кусты. Пехота была предоставлена сама себе. А среди нее всегда были и будут отдельные паникеры, стоило им крикнуть: „Фашисты нас обходят!“, как начиналось бегство, которое потом стоило больших трудов остановить»[1441]. 5 февраля франкисты снова перешли в наступление и 23 февраля отбили Теруэль.

По мнению Р. Малиновского, несмотря на наличие технического превосходства у мятежников, «основными и решающими причинами теруэльской неудачи все же являются грубейшие, резко бросающиеся в глаза ошибки оперативного руководства»[1442]. «Тот, кто после этой операции еще продолжает думать и писать, что теруэльская операция есть единственно успешная операция республиканцев, что эта операция сорвала наступательный план фашистов под Гвадалахарой и спасла республиканцам Мадрид, тот или плохо усвоил уроки войны в Испании и не дал себе труда по-серьезному анализировать ход операции, или перепевает то, что дуэтом пели Прието и Рохо в свое оправдание»[1443], — заключает Богданов.

Инициатива была окончательно утеряна республиканцами. Министр обороны Прието пришел к выводу, что победа невозможна, и стал убеждать Негрина в необходимости примирения с Франко даже на тяжелых для республиканцев условиях.

* * *

Окрыленный первым успехом под Теруэлем, Рохо в январе 1938 г. вернулся к оставленной в мае-июне 1937 г. идее наступления в Эстремадуре. Эти полгода качественно изменили ситуацию и в отношении боевого духа, и в соотношении военных поставок франкистам и республиканцам. Но Рохо пребывал в эйфории и говорил Малиновскому: теперь у республики такая армия, что он «придет в Лиссабон во главе этой армии». Кандидат в Бонапарты присматривался и к политической власти. Рохо жалуется на «отсутствие власти в его руках» в условиях, когда «Прието твердости власти проявить не может»[1444]. Переоценивая военные силы республики, Рохо бросал их направо и налево, вместо того, чтобы закрепить успех под Теруэлем и качественно подготовить новую операцию. «Фактически же Теруэль перемолол все республиканские резервы, генерал Рохо прямо точно нарочно старался все измотать, что он не смог бросить в бой под Теруэлем, так он его бросил в бой на других фронтах»[1445], — писал Малиновский.

Даже если бы Рохо вел себя грамотно и осмотрительно, анализ Р. Малиновского показывает, что к началу 1938 г. время для операции в Эстремадуре было упущено. Для удара на Бадахос можно было выделить 240 батальонов при 200 орудиях и 150 самолетах. Чтобы парировать этот удар, франкисты могли выделить чуть меньшие силы пехоты, но при 300 орудиях и 600–700 самолетах[1446]. Вывод — «у республики не хватало сил для успешного завершения этой в целом выгодной операции»[1447]. Напомним, что в мае-августе значительная часть сил франкистов была скована на севере. Малиновский считал, что после Теруэля нужно перевести дух и заняться разложением тыла мятежников, «а не отвергать

эту работу совершенно, как это сделал Прието»[1448]. Теперь и советские советники видят недостатки стратегии Прието, против которой боролись анархисты.

Бои под Теруэлем стихли 23 февраля. Затишье продолжалось всего две недели. На этот раз Франко решил, что нельзя медлить, давая республиканцам новый шанс.

* * *

Франко выбирал направление нового удара: продолжать ломиться к Мадриду, или воспользоваться утерянной республиканцами возможностью — прорвать один из более слабых фронтов. Руководствуясь шаблонным военным мышлением, Рохо был уверен, что главный удар франкисты нанесут на Мадрид[1449].

В действительности Арагонский (Восточный) фронт — дезорганизованный и деморализованный — был первым кандидатом для наступления франкистов. Тем более, что в Арагоне осталось мало сил республиканцев. После осенних боев 1937 г. фронт снова стал парией Республики. Оборонительных рубежей здесь не подготовили. 470 км фронта обороняли 3 корпуса в составе 8 дивизий. В центрально-южной зоне у республиканцев было 500 орудий, на восточном — 60.

Франко сосредоточил в Арагоне до 300 тыс. солдат под командованием Ф. Давилы. Отныне во всех сражениях франкисты имели превосходство в технике. В сражениях первой половины 1938 г. превосходство авиации франкистов достигало 5-6 раз (и обычно составляло 2-3 раза)[1450]. В Арагоне у Франко было превосходство и в живой силе. Генштабу Рохо удалось наскрести для отражения удара около 200 тыс. солдат, да и то не сразу.

9 марта 1938 г. Арагонский фронт был прорван. Марокканцы ударили по 12-му корпусу на Бельчите, и он побежал[1451]. Сводка констатирует: «Под давлением превосходных сил и, главным образом, под воздействием авиации интервентов, части республиканцев были вынуждены отойти, и противник к исходу 10 марта овладел Кодо и Бельчите, на южном направлении — Муньеса»[1452]. Войска, отступающие не столько под ударами сухопутных сил, сколько от бомбежек — свидетельство нестойкости республиканцев в этот период. При этом преимущество франкистов над республиканцами по количеству самолетовылетов не было подавляющим — 250 на 130-150. Это вело к большой усталости республиканских пилотов[1453].

Франкисты не ожидали такого успеха[1454]. Сначала они даже не сразу стали его развивать. Без труда вернув с таким трудом взятый республиканцами Бельчите, франкисты были ненадолго остановлены 5-м корпусом Модесто у Каспе. Затем от Уэски франкисты стали продвигаться к французской границе и в Каталонию.

При этом к началу марта «Рохо не позаботился из под Альфамбра вывести маневренную армию, хотя с 23 февраля по 9 марта было достаточно времени. Причем характерно, когда командующий маневренной армией полковник Менендес предложил Рохо вывести

маневренную армию в резерв, как только был сдан Теруэль, то он ему иронически, но вежливо заметил, что в тылу, конечно, легче обучать армию, чем быть на фронте... С началом наступления, когда образовался прорыв и обозначились отдельные ударные фашистские дивизии, то и тогда Рохо, да и кажется наши с ним товарищи, продолжали рассматривать это наступление как вспомогательное и продолжали стоять на месте»[1455]. Так что дело было не только в Рохо. Ситуация изменилась 14 марта, когда противник оказался под Каспе: «в это время, как казалось, Рохо потерял голову». И не только Рохо. «Прието на военном совете заявил, что война проиграна»[1456]. Рохо двинул в Арагон и Каталонию маневренную армию и 5-й корпус.

Но тут дали себя знать старые конфликты среди республиканских военных вождей: «А когда старик Миаха узнал, что если мятежники выйдут к морю, то он возглавит в качестве главкома центр и юг Испании, то он ждал выхода к морю противника как манны небесной»[1457]. «Перепуганное высшее командование и правительство республиканцев, считаясь с возможностью ликвидации Каталонии, спешно перебрасывало все, что могло вырвать из цепких рук генерала Миаха и других командующих армиями на юге и центре Испании в Каталонию, совершенно не заботясь о том, чтобы подкрепить истекающие кровью части 22 корпуса и не допустить проникновения противника к морю»[1458], — рассказывал Р. Малиновский.

Ввод войск в сражение проводился неудачно: «пачками» кидали бригады, которые ударные дивизии противника без труда перемалывали, о накоплении сил для контрудара никто не думал[1459]. По мнению Р. Малиновского, вместо того, чтобы кидать бригады в прорывы, нужно было наносить контрудар Маневренной армией. Только 13 апреля удалось уговорить Рохо, что Маневренная армия должна нанести контрудар. «Характерно отметить, что когда 13 апреля Рохо ставил задачу на контр-удар, то он в него сам не верил и ничего не делал, чтобы его осуществить. Это было сделано для истории. Он этим хотел показать, что попытка контр-удара была, но по обстоятельствам ее не удалось провести»[1460]. К этому времени от Маневренной армии остались 22-й и 21-й корпуса в неполном составе, а 5-й корпус уже отошел за Эбро[1461]. После выхода франкистов к морю проводить контрудар было поздно — фронт Республики был рассечен, и стало неясно, куда Франко повернет основные силы — на Валенсию или Барселону.

15 апреля франкисты вышли к Средиземному морю южнее Эбро, отрезав таким образом центральную территорию республики от Каталонии и Франции на суше (сообщение по воздуху и морю сохранялось). Перед Франко встала альтернатива — продолжить наступление против Каталонии с шансом захватить промышленную базу республики, или попытаться взять фактическую столицу республики Валенсию. Он избрал второй вариант, но наступление на юг выдохлось к началу мая. Боевые действия в Леванте шли с переменным успехом.

Существует мнение, что Франко мог закончить войну уже в мае, повернув на «беззащитную» Каталонию[1462]. Однако, столь однозначное суждение сомнительно. Даже если допустить, что Каталония пала бы к ногам уже выдыхающейся армии франкистов в мае, война не закончилась бы немедленно. Ведь после реального падения Каталонии в январе-феврале 1939 г. Республика располагала некоторым ресурсом сопротивления (ее

падение было ускорено мятежом Касадо). Тем более это относится к середине 1938 г. К тому же Франко не мог не учитывать опасности республиканского удара в тыл франкистам от Валенсии, если начнется наступление на Барселону.

В боях 9 марта — 15 апреля Восточная и Маневренная армии потеряли треть своего состава, свыше 100 тысяч винтовок, 3000 пулеметов, около 50 орудий и 2000 автомобилей[1463]. Под огнем противника некоторые части просто рассыпались, и затем бойцов приходилось собирать в тылу с помощью заградотрядов, формируя из них части. При отступлении только через один заградотряд прошло 8000 человек. Испанские заградотряды не стреляли по отступающим, а задерживали их и возвращали в части. В Барселоне нашли 800 неучтенных офицеров. В 209-й бригаде 11 апреля осталось 65 бойцов, а 14 апреля заградотряды собрали беглецов, и в бригаде было уже 980 солдат[1464].

Республиканцам оставалось утешать себя тем, что при таких успехах франкисты не смогли уничтожить живую силу разбитых частей, а просто вытолкнули их.

Захват Арагона франкистами усугубил продовольственные трудности. Теперь Республика не могла обеспечить себя продовольствием. В разговоре с Марченко 27 апреля 1938 г. Негрин признавал, что «народ буквально голодает, во многих районах рабочие неделями не получают хлеба, ибо у правительства нет средств на большие закупки зерна»[1465].

Объясняя причины поражения Восточного фронта, Малиновский сначала ритуально пишет об окопавшейся в НКТ «банде шпионов, диверсантов, вредителей, скрытых и открытых фашистов», но затем переходит и к более реальным обстоятельствам: бедности вооружения, безынициативности и плохой подготовке офицерских кадров, бедственному положению солдат, которые вынуждены ходить по холоду в парусиновых тапочках, когда магазины ломятся от кожаной обуви. Синдикалистская система снабжения армии осталась в прошлом — и вот результат. Малиновский считает, что «только великое терпение, привычка к нужде и безропотность испанского народа сдерживали массы бойцов от разгрома магазинов с обувью и теплыми куртками»[1466]. Малиновский не застал времени, когда всего год назад испанские трудящиеся не были столь безропотными, а производители обуви были куда альтруистичнее, чем нынешние хозяева магазинов. Революция подавлялась силой, и это бедственно сказывалось на положении как тыла, так и армии.

Умиротворение, невмешательство и «непредсказуемый» Сталин

Длющаяся в Испании гражданская война воздействовала на ситуацию в Европе как болезнь, к которой привыкают. Ощущение драматической борьбы и многообразных угроз, связанных с войной в 1936–1937 гг., в начале 1938 г. уже притупилось. Германия выполнила свою задачу 1936–1937 гг., привязав к себе Италию. Британское руководство начинало ощущать, что Испания уже не выполняет роль отвлекающего фактора для Германии и Италии. Франция колебалась между двумя угрозами — образования прогерманского режима в тылу и, с другой стороны, втягивания в войну с Германией из-за Испании. Опасность

революционных искр, разлетающихся из испанского очага, стала не столь актуальной после падения радикального правительства Ф. Ларго Кабальеро. Зато более умеренное правительство Х. Негрина имело (и не без оснований) репутацию прокоммунистического, что ставило в повестку дня появление на западе Европы советского плацдарма.

В этих условиях перед дипломатией Великобритании и Франции встала альтернатива: поддерживать конфликт в равновесии или открыто встать на сторону Франко, чтобы сделать его режим из прогерманского нейтральным в возможном мировом конфликте. Республиканское руководство так и не поняло этой альтернативы, продолжая рассчитывать на то, что Франция «одумается» и поддержит Республику. Однако шанс на это возникал только в случае прямого военного столкновения Франции и Великобритании с одной стороны и Германии и Италии — с другой.

К войне в Испании «привыкал» и Сталин. Во второй половине 1937 г. там возникло равновесие, что нельзя было сказать об остальном мире. Важнейшее значение для СССР играло начало японо-китайской войны 7 июля 1937 г. Япония давно была потенциальным противником СССР, и, несмотря на старые обиды, Сталин решил поддержать Чан Кайши. Теперь советская помощь поступала и в Китай, и ее объем «вычитался» из того, что СССР мог поставлять в Испанию. Этот театр был даже важнее для СССР, чем Испания — ведь на этот раз борьба развернулась в непосредственной близости от советских границ. Сдерживание Японии на дальних подступах к СССР было для него крайне важным на протяжении всех 30-х гг.

А с весны 1938 г. нарастала и военная угроза на Востоке Европы в связи с Чехословацким кризисом. Так что СССР и сам нуждался в вооружениях. Тем не менее, помощь Испании продолжалась.

Более того, Сталина раздражали и двойственные внешнеполитические маневры Республики за спиной СССР. Негоже стране «народной демократии» иметь самостоятельную внешнюю политику — этим наверняка воспользуются враги.

Хотя посол Гайкис и докладывал, что Асанье и Барриосу близки взгляды о долгосрочном союзе[1467] с СССР, однако Сталину уже сообщили, что Асанья ведет рискованную игру со странами Запада за спиной Советского Союза. Во время майского кризиса Асанья, по выражению А. Виньяса, «двинул пешку» — направил Х. Бестейро в Лондон на коронацию Георга VI. «Ларго Кабальеро предложил Мартинеса Баррио как председателя Кортесов, но Асанья был против. Несомненно, он хотел видеть в качестве представителя Бестейро, одного из немногих политиков, которые разделяли его мнение на предмет малой вероятности победы»[1468]. Коронация Георга VI 12 мая стала европейской дипломатической «тусовкой», где можно было обсудить животрепещущие политические проблемы в неформальной обстановке. Бестейро стал уговаривать английских и французских дипломатов выступить в качестве посредников в достижении мира с Франко. При этом Бестейро так скрывал свои переговоры о мире, что они стали всем известны.

Как справедливо пишет А. Виньяс, «вмешательство Асаньи могло иметь очень тяжелые последствия. Иден говорил об этом с Литвиновым, который также присутствовал на

коронации. Последнему подобное вмешательство также не показалось пустячным. Когда в следующем месяце Паскуа[1469] проводил одну из своих периодических встреч со Сталиным, Молотовым и Ворошиловым, Сталин спросил о его впечатлениях в связи с ситуацией. Посол передал последнее устное сообщение Ларго Кабальеро, выражавшее твердую уверенность в конечной победе. Трудности заключались в несоответствии и недостаточности вооружения. Посол также добавил, что новое Правительство следует той же линии. Сталин холодно посмотрел на него и бросил ему в лицо: „Так то, что Вы мне говорите, не согласуется с недавними хлопотами представителя президента Республики о приостановлении военных действий и, затем, о посредничестве в достижении мира“»[1470].

Однако этот эпизод хоть и огорчил Сталина, но пока не определял его политики в отношении Республики. Ведь теперь, после свержения строптивного Ларго, она могла воевать «как надо», опираясь не на самоуправленческую социальную революцию, а на твердую дисциплину. Ведь именно это обещали Сталину майские победители, а Штерн заверил, что осенью противник «покатится». От выполнения обещаний зависела и политика Сталина.

* * *

После прихода к власти Негрин всячески демонстрировал советским представителям готовность к самой тесной связи. 23 мая 1937 г. посол Гайкис на встрече с Негрином обсуждал перспективы долгосрочного сотрудничества Испанской республики и СССР как на основе взаимовыгодных экономических отношений, так и идейной близости советских людей и испанцев, готовых сплотиться под руководством объединенной социалистической партии, которая завоюет «в Испании руководящее место» и направит «все дальнейшее развитие Испании по определенному пути»[1471]. Готовность идти «по определенному пути» должна была выгодно отличать «своего» Негрина от «чужого» Ларго.

Так будут говорить с посланниками Сталина лидеры стран «народной демократии» на начальном этапе их существования. Беседа ведется так, будто победа над Франко уже достигнута. Но пока сумели победить только «внутреннего врага» (да и то не окончательно). Гайкис прагматично добавляет, что основа сохранения таких настроений Негрина — советская помощь Испании[1472].

Каковы были планы Сталина в отношении Испании Негрина? Следуя за советской историографией и доверяясь официальной позиции СССР, историк А. Виньяс уверен: «Вопреки страхам Франции, Британии, США и прочих, Сталин не собирался устанавливать в Испании начальную стадию народной республики, как в Центральной и Восточной Европе после Второй мировой войны... Этого не позволяли ни геостратегические, ни геополитические обстоятельства»[1473]. Сталин, однако, руководствовался не только геополитикой. Если бы не так — он и вовсе не «влез» бы в Испанию. Впрочем, вот-вот Вторая мировая война серьезно переменит и эти геополитические «расклады». Уже в 1939 г. Гитлер будет готов идти на большие уступки СССР. Но для запуска своего плана завоевания Польши Гитлер дождется падения Испанской Республики. История, таким образом, была полна альтернатив, в которых Республике было место, пока она сражалась.

Мотивы Сталина представляют нерешаемую проблему для историков, которые отрицают его намерение контролировать внутривнутриполитический процесс в Республике. Такие усилия — и ради чего? Чтобы после завершения Гражданской войны просто уйти с доброй улыбкой? А. Виньяс нашел такой мотив: «Сталин надеялся наугад и часто посредством скромной поддержки левых слегка подтолкнуть французов к сопротивлению экспансионистским действиям Оси, хотя и знал, что не стоит ждать от Парижа многого»[1474]. «Слегка подтолкнуть», хотя уже в 1937 г. очевидно, что «не стоит ждать»? И это должно объяснить те жертвы, которые Сталин принес на алтарь Испанской республики? Все-таки Сталин был кем угодно, только не наивным альтруистом.

Сталин решал в Испании более важные задачи, чем сомнительное «вразумление» Франции. В случае сохранения Республики возникала возможность получить плацдарм на западе Европы с вытекающими из этого многочисленными возможностями. Даже если Республика уже не могла победить, ее борьба имела для СССР большой смысл, отвлекая Германию и Италию в направлении, противоположном от Советского Союза. В любом случае для Сталина было важно, чтобы Республика продолжала сопротивляться, а не маневрировать за его спиной. А для этого важно было держать пальцы на пульсе политической системы Республики. Причем желательно недалеко от горла.

* * *

В 1936 г. Испания для СССР была важнейшим направлением европейской политики, но в условиях нарастания угроз и ограниченности ресурсов Советского Союза это не могло продолжаться вечно. Отношение Сталина к Испанской республике нередко связывают с его капризным характером, ставя этот волюнтаристский фактор на первое место наряду с более рациональными мотивами советского лидера. Так, Ю. Рыбалкин утверждает: «Позиция Сталина в отношении Испанской республики была непредсказуемой и менялась в зависимости от его настроения, обстановки на фронтах Пиренейского полуострова и международной арене. Постепенно интерес Сталина к стране „X“ пропал, наоборот, возникло неприятие. С середины 1937 г. на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) чаще стали обсуждать вопросы помощи не Испании, а Монголии и Китаю (страна „Z“), а также проблемы борьбы с „антигосударственными элементами“ внутри страны. Перемены в настроении Сталина сказались на объемах и интенсивности военных поставок Республике»[1475]. «Капризный» Сталин. Нет бы забыть о Китае и внутривнутриполитических проблемах и заниматься только Испанией...

А. Виньяс комментирует мнение Ю. Рыбалкина: «Наконец, такие авторы как Рыбалкин (2007), вводят личный фактор. Сталин перестал интересоваться Республикой так, как раньше.

Вряд ли это можно объяснить переменами настроения, хотя такой вариант тоже нельзя исключать»[1476]. Так исключать или не исключать? Все-таки этот вопрос принципиален, ибо категорически поставлен Ю. Рыбалкиным. Были ли паузы в снабжении вызваны настроением Сталина или конкретными военно-политическими причинами? А причины такие были. Помощь «стране Z» (Китаю) была обусловлена не капризным настроением Сталина, а

вполне конкретной угрозой с востока.

Несмотря на некоторые колебания, А. Виньяс все же развивает версию о «парадоксальности», то есть в данном случае неразумности поведения Сталина в отношении к Испании в 1937 г.: «Начиная с лета 1937 в динамике внешних поставок создалась парадоксальная ситуация, которая имела драматические последствия для республиканцев. Муссолини продолжил и даже усилил поддержку Франко»[1477]. А Сталин ослабил поддержку своих верных друзей.

С точки зрения сторонников республиканской «партии порядка», при Ларго Республика не могла победить, потому что это правительство было слишком уж революционным, а при умеренных и рассудительных Негрине и Прието победа забрезжила на горизонте, но помахала Республике ручкой. Кто виноват? Ну конечно Сталин, кто же еще. В самый удачный момент после мая (летом) «парадоксальный» Сталин перекрыл кислород, подчиняясь капризу, перемене настроения: «В свете событий, Негрин и Прието в качестве председателя правительства и министра обороны соответственно, быстро заметили, что ветер с востока больше не дует в том же направлении и с той же силой, что раньше»[1478].

Но так ли «быстро» это произошло? Летом ли? И парадоксальным ли образом?

Для А. Виньяса и сторонников версии «Сталин — человек настроения» важно показать, что СССР перестал помогать Республике именно в тот момент, когда она получила надежные шансы на победу. «Когда Республика наконец получила сильное правительство и покончила с внутренними разногласиями, которые сделали безрезультатными многие ее усилия в течение первого года войны, новые руководители, начиная с Негрина и Прието, столкнулись с некоторой отчужденностью Советского Союза. Сталин снова изменил подход в ноябре 1938 г., но было уже слишком поздно»[1479]. Но испанские лидеры столкнулись с «отчуждением» Сталина не сразу, и новые поставки шли в Испанию все же не только с ноября 1938 г., но и раньше. Поставки продолжались во второй половине 1937 г. и были относительно регулярными — в среднем по одной в месяц, в марте 1938 г. — три, а в апреле — две[1480].

Утверждение о том, что Сталин «отвернулся» от Испании именно тогда, когда в Республике образовался «дееспособный» режим, призвано «объяснить», почему эта «дееспособность» вылилась не в победы (а ведь прежде была Гвадалахара), а в сплошные неудачи. В действительности Сталин дал Негрину и Прието достаточно времени, чтобы проявить себя. Советские поставки могли позволить республиканскому командованию успешнее действовать и в июле 1937 г., и в октябре 1937 г., и в январе — феврале 1938 г., и даже в марте — апреле 1938 г. Но оказалось, что между советскими поставками и ходом военных действий нет прямой связи. В декабре 1937 г. республиканцы действовали успешнее, чем в июле — октябре 1937 г. Причины неудач второй половины 1937 г., как мы видели, находились не столько вовне, сколько внутри Республики.

Советские руководители не могли не испытывать разочарования новым республиканским руководством. Если весной Республика, по существу, получила возможность перехватить инициативу, то летом 1937 г. она все еще не сделала этого. Ради чего тогда была вся эта

кампания против Ларго Кабальеро? Обещали побед — и не справились, лишь время потеряли на политическую междоусобицу.

Пытаясь переложить на СССР ответственность за неудачи Республики Негрина, А. Виньяс пишет, что помощь Сталина «ослабела в течение двенадцати критических месяцев, с ноября 1937 г. по ноябрь 1938 г. В любом случае она не была достаточной ни для того, чтобы покрыть материальные недостатки Народной армии ни, тем более, быть противовесом постоянных поставок, которые Франко до конца получал от Италии и Третьего Рейха... Когда Негрин принял пост председателя Правительства, Республика, говоря технически, уже проиграла войну»[1481].

Но Негрин пришел к власти не в ноябре 1937 г. С мая по ноябрь 1937 г. — достаточный срок, чтобы продемонстрировать, что республиканцы стали сражаться лучше. А они при Негрине и Прието стали сражаться хуже. И это был результат их политики, а не изменения политики Сталина.

Решающим был период не 1938 года, а весны — лета 1937 г., когда республиканцы получили возможность перехватить инициативу, когда Франко, сконцентрировав силы на Севере, воевал на два фронта. Вместо того, чтобы сосредоточить усилия на деле победы, на подготовке наступательной операции, коммунисты и социал-либералы увлеченно боролись за власть, а Республика теряла время. Летом они провели операцию в своем стиле и стало ясно, что их методы не лучше, а хуже, чем стиль войны Ларго Кабальеро. После июля 1937 г. шанс перехватить инициативу был практически упущен.

В марте 1937 г. республика еще не проиграла войну. Что же такого случилось за два месяца, прошедшие до прихода Негрина к власти? Ничего катастрофического, кроме падения Ларго Кабальеро и прихода к власти коалиции во главе с Негрином. И хоть это стало ясно не сразу — да, с приходом Негрина Республика проиграла войну. И прежде всего — вследствие внутривнутриполитических причин, установления нового режима в Республике. Именно в силу этого, а также самого политического кризиса, спровоцированного противниками Ларго Кабальеро, в решающий момент войны время было упущено[1482].

* * *

Летом 1937 г., «как только советское правительство ослабило помощь, фашистские диктаторы резко увеличили свою. Нет ничего удивительного в том, что Республика оказалась в совершенно проигрышной ситуации»[1483], — утверждает А. Виньяс. Когда точно уменьшили? На какие операции могли повлиять проблемы с поставками? Во всяком случае, не на бездарно упущенные возможности под Брунете и в Арагоне.

Советская помощь к середине мая 1937 г. составила 333 самолета, 256 танков, 60 броневиков, 236 орудий среднего калибра[1484]. И поставки продолжались. К июню было поставлено 409 самолетов, из которых в строю было 343[1485]. Это не так мало.

А. Виньяс оценивает соотношение поставок самолетов советского и итало-германского производства с июля 1937 г. как 239–271 к 740–798[1486]. Присоединяя поставки первых двух с половиной месяцев правления Негрина к поставкам времени Ларго Кабальеро, А. Виньяс стремится доказать, что при Ларго Кабальеро Республика получала значительную помощь, а с приходом Негрина — уже нет. Если 1.10.1936 — 1.8.1937 гг. СССР поставил в Испанию 496 самолетов и 714 орудий, то 14.12.1937 — 11.8.1938 гг. — 152 самолета и 469 орудий[1487]. Получается, что в первый период было направлено 49,6 самолета и 71,4 орудия в месяц, а во второй — 19 самолетов и 58,6 орудия. Однако эти арифметические манипуляции А. Виньяса как раз и подрывают его аргументацию: получается, что первые месяцы Негрина относятся к периоду «хороших поставок». Более того, поставленная тогда техника продолжала действовать и оказывать влияние на ход войны в следующие месяцы. Одновременно испанцы стали собирать самолеты по лицензии сами (было собрано 230 самолетов, что значительно улучшает статистику — более чем в два раза)[1488]. Так что считать, что ситуация в середине 1937 г. была заведомо проигрышной, можно только существенно преувеличивая значение внешних факторов по сравнению с внутренними, что является важной чертой концепции А. Виньяса.

Не будем также забывать, что Франко должен был делить свои силы надвое до падения Севера, а республика концентрировала советскую авиацию в центре. И только с началом войны в Китае и серией разочаровывающих военных неудач Республики летом-осенью 1937 г. советская помощь стала ослабевать, но вовсе не прекратилась.

К тому же динамика поставок зависела и от позиции французских властей. Именно поэтому пришлось придерживать их осенью 1937 г. — зимой 1938 г. (блокада на границе и подводное пиратство в море), а затем лихорадочно проталкивать в марте — июне 1938 г. Как пишет А. Виньяс: «Недостаточная воля увеличивать поставки, которая вменяется в вину Сталину, не смягчалась препятствиями, которые устанавливали французы»[1489]. Это мягко сказано в отношении французов. Сталин давал столько помощи, сколько мог в сложившихся условиях. А вот французы существенно «регулировали» их поступление через границу, что могло оказаться критически важным. Дорого яичко ко Христову дню.

Ситуация зависела далеко не только от количества самолетов. Так, в июле под Мадридом у франкистов было всего лишь полуторное превосходство авиации. Но начальник республиканской авиации Лопатин слишком часто вызывал истребители и измотал летчиков, в результате чего даже опытные стали биться при посадке. А вот в Сарагосской операции Птухин действовал аккуратнее, в результате чего при равенстве сил обеспечил превосходство республиканской авиации[1490].

Как отмечал в своем докладе советский военный советник Арженухин, «переоценивать роль авиации в бою, как это делало испанское командование и некоторые наши товарищи, — неправильно... одна авиация не может заставить покинуть окопы достаточно устойчивую пехоту противника»[1491]. Поэтому даже в условиях превосходства авиации противника республиканцы смогли в декабре 1937 г. взять Теруэль (что обернулось поражением, но, как мы видели, не из-за дефицита авиации у Республики в целом). А затем авиация фашистов сбивала с позиций в Арагоне пехоту республиканцев. Эта пехота здесь теперь была неустойчивой.

Есть и другие претензии к Сталину: «с июля 1937 г., т. е. в переломный момент войны, после падения Бильбао, советская помощь сконцентрировалась на оборонительном вооружении, больше всего на артиллерии, более половины пулеметов и (предполагая более или менее единые критерии) ружей было отправлено в это время.

Изложенное выше подводит нас к очень важным выводам. После того, как Негрин занял пост председателя правительства, т. е. в тот период, когда, по мнению целого ряда авторов, настроенных профранкистски (или антиреспубликанцев, антикоммунистов, сторонников ПОУМ, анархо-синдикалистов, консерваторов, воинов холодной войны или новоиспеченных неоконсерваторов), Сталин устанавливал базу для осуществления своих предполагаемых планов по установлению в Испании народной Республики *avant la lettre*, на самом деле происходило совершенно иное. Если Сталин перестал оказывать помощь с той же или подобной интенсивностью, как раньше, и которая, кроме того, была несравнима с поддержкой, которую предоставляли Франко фашистские державы, стоит спросить себя, как можно было надеяться на то, что республиканцы выиграют войну»[1492]. Смешав своих оппонентов в одну кучу и по сути объявив их сторонниками профранкистской позиции, А. Виньяс примитивизировал их аргументацию и без труда справился с этим фантомом. Но прочерченные им логические связи сами по себе весьма уязвимы.

По логике Виньяса получается, что Сталин чуть ли не «сдал» Республику в тот момент, когда к власти пришло «оптимальное» правительство. Но трудности с поставками усиливаются позднее. Как мы видели, разбирая ход конкретных операций, весь 1937 год техническое превосходство франкистов не играло решающей роли, а иногда и отсутствовало. Предыдущей помощи и собственных возможностей Республики хватало для того, чтобы пережить перебои в поставках осенью 1937 г.

А. Виньяс исходит из того, что если Сталин не собирался нанести решающий удар по Франко сразу после установления режима Негрина, то он и вовсе отказался от установления контроля над Республикой. Однако одно из другого не следует. Раз уж республиканцы не могут пока победить, несмотря на помощь, оказанную летом 1937 г., они должны сохраняться как фигура в более сложной игре. Сталин вел борьбу не только в Испании, но и на других площадках. И от исхода этой международной борьбы во многом зависела и внешнеполитическая ситуация вокруг Испании. Республика может и должна держаться даже без прежней помощи, пока не изменится обстановка в Европе, после чего можно будет изменить баланс сил на Пиренеях в пользу Республики.

Раз Республика показала свое неумение наступать, даже с помощью современных танков, надо помочь ей обороняться, отправляя артиллерию и пулеметы. Правда, не могло не огорчать, что республиканцы теряют и это оружие. Комдив Вальтер сообщал, что под Медианой часть солдат противника была вооружена «Максимами» и «Дегтяревыми», взятыми под Брунете[1493]. Республике нужно помогать, спору нет. Но она должна беречь полученное. А вот такие испанцы, как А. Виньяс, упрекают Сталина: мог бы и больше присылать. Но если бы республиканцы не бросали оружия, его было бы у них больше.

Регулируя помощь в зависимости от сложной внешнеполитической ситуации, Сталин не отказывался от продолжения борьбы в Испании и не собирался отказываться от позиций,

которые коммунисты приобрели в Республике. Чтобы оценить замыслы Сталина этого периода в отношении Испании, совершенно недостаточно наблюдения над динамикой советской помощи Испании во второй половине 1937 г. Как показывает опыт «народных демократий», Сталин и в куда более благоприятных условиях действовал постепенно, и устанавливал коммунистические режимы совсем не так, как этого ожидает А. Виньяс. По его мнению, победа в войне была «минимальным условием для установления Сталиным некоего режима, хоть отдаленно похожего на советский, независимо от того, был ли этот вариант реалистичным. Поспешу заметить, что, по моему мнению, таковым он не был (что Сталин, помимо прочего, ясно дал понять самим республиканцам). Геостратегическое положение Испании и геополитические условия тридцатых годов прошлого века существенно отличались от тех, что позволили возвести имперский заслон в Центральной и Восточной Европе, занятых победоносной Красной Армией, которая в этих регионах разбила фашистов и могла устанавливать общие границы с Советским Союзом»[1494]. Ссылка на обстоятельства Центральной Европы как раз опровергает логику А. Виньяса. Трудно отрицать, что там при Сталине установились коммунистические режимы (причем и в тех странах, с территории которых советская армия была выведена или где ее не было вообще). «Народно-демократические» правительства стали создаваться в 1944 г., еще до разгрома Германии. Однако и до завершения войны, и в первые годы после войны Сталин проводил здесь такую же политику, как и в Испании в 1937–1938 гг. — заверял республиканские власти в том, что многопартийность будет сохранена, в то время как коммунисты и их сторонники занимали важные посты в силовых структурах. Когда время придет, можно будет объединить коммунистов и сторонников просоветской политики в объединенную партию, и зачистить оппозицию. Негрин был не против такого сценария, но Сталин не торопился. Момент был не подходящим — всякому овощу свое время.

* * *

Испанское правительство, говоря словами посла Паскуа, признавало, что «главной опорой этого правительства была до сих пор активная помощь, оказываемая ему со стороны СССР в военном и экономическом отношениях»[1495]. Но за это испанцы требовали усиления помощи, причем не только оружием, но и продовольствием. А если у СССР нет возможностей «подкормить» испанцев, то и дружба может оказаться под сомнением. Поэтому сохранение просоветского курса Республики требовало внутривнутриполитических гарантий.

На первый взгляд, у Республики «внешняя стратегия не менялась, в отличие от того, что произошло с внутренней политикой. Внешняя стратегия может быть сведена к одной линии поведения: вместе с демократическими государствами — в той мере, в какой будет возможно, с Советским Союзом — обязательно»[1496]. Однако в конкретном воплощении эти два курса мешали друг другу и имели разных политических носителей. С одной стороны — коммунисты, которые играли в большую макрополитическую игру под руководством Сталина. Их ставка была больше, чем Испания, и именно в силу этого они готовы были защищать Республику до последнего патрона.

Но в СССР знали, что сохраняет значительное влияние «партия мира», которая может сорвать игру, сдать важную испанскую позицию. Часть республиканцев, Эскера, баски при

«сочувствии Асаньи» обсуждали возможность создания республиканского правительства без коммунистов, которое могло бы заручиться поддержкой Англии и Франции[1497].

Равнодушие Франции к просьбам Республики о помощи лишало перспективу либеральную внешнеполитическую альтернативу. Но если бы курс Франции изменился, это усилило бы правое крыло правительства, что сказало бы на внутреннем курсе, поставив под угрозу политику коммунистов в Испании.

Негрин пытался удерживать баланс между «партией мира» и коммунистами. Он не был принципиальным сторонником борьбы до конца, но понимал, что в условиях поражений надежды на почетный мир с Франко нереалистичны. И Негрин, и Прието, и Асанья видели выход уже не в победе, а в том, чтобы «укрепив», усилив Республику, заставить Франко пойти на перемирие, закончить войну «вничью». По мнению У. Гарсиа, «это был общий ключевой вопрос, который, тем не менее, с весны 1938 г. разделил политические силы республиканцев на два блока»[1498]. Разумеется, это разделение началось задолго до весны 1938 г. Речь идет о сторонниках более активного ведения войны и более активных поисков мира, «партии войны», ядром которой была КПИ, и «партии мира», которую уже давно возглавлял Асанья и теперь укрепил Прието. Усиление «партии мира» активизировало правых политиков, которые вынуждены были выжидать в обстановке «разгула революции» 1936–1937 гг. На арену все активнее стал выходить Х. Бестейро, с позицией которого сблизился И. Прието. Это привело к новой перегруппировке сил в ИСРП, когда правое («центристское») крыло партии Прието-Негрин, существовавшее в 1936–1937 гг., разделилось на центристское (Негрин) и правое (Прието — Бестейро).

Кроме «партии мира» в Республике проявляла себя и «партия войны» — большой войны. При чем это могли быть одни и те же люди. Ведь Большая война в Европе давала Испании шанс на мир.

29 мая 1937 г. республиканцы при бомбардировке франкистского порта Ибиза попали в немецкий крейсер «Дойчланд». 31 мая немцы в ответ обстреляли Альмерию и взяли курс на выход из Комитета по невмешательству.

31 мая Генеральный штаб направил записку совету министров об обстреле немцами Альмерии со «свежей идеей» — не утопить ли в ответ немецкие суда? «Генеральный штаб полагает, что необходимо внести ясность на международной арене, покончив с нынешней фикцией, будто Германия и Италия не ведут на деле войны, что является единственной возможностью выявить нынешнее действительное положение, когда Испания ведет борьбу против трех государств»[1499]. Однако Испания вела эту войну не одна, а в союзе с СССР (во всяком случае, танкисты и пилоты прямо участвовали в военных действиях). Но это не смущало начальника Генштаба В. Рохо. Чтобы противостоять Германии, необходимо «вызвать международную войну большого объема»[1500]. Доклад подписал также и.о. главного военного комиссара — коммунист Михе.

Это предложение вызвало паническую реакцию в правительстве, распоясавшимся военным объяснили их место в политической иерархии и запретили атаковать немецкие суда. Большая война не входила в это время в планы как СССР, так и Франции и Великобритании.

Так что Испания осталась бы в изоляции как формальный агрессор перед лицом открытого нападения Германии и Италии. Но именно в эти дни с полной обнаженностью была сформулировано условие выживания Республики — дожить до большой войны в Европе.

После инцидента с «Дойчланд» республиканской авиации было запрещено бомбить базы фашистов[1501]. Однако республиканский флот продолжал вести себя «неосторожно». 15 и 18 июня был обстрелян германский крейсер «Лейпциг».

23 июня Италия и Германия заявили о прекращении участия в патрулировании испанского побережья. Это был серьезный удар по игре в «невмешательство», который обеспокоил дипломатов Франции и Великобритании, вызвав раздражение авантюризмом республиканцев.

Сняв с себя ответственность за патрулирование в интересах «невмешательства», союзники Франко перешли к более решительным действиям на море. Италия развернула подводный террор в Средиземном море. Поскольку страдали суда даже «владычицы морей», это привело в июле 1937 г. к нарастанию напряженности в англо-итальянских отношениях[1502]. Оказалось, что и Великобритания, и Италия привыкли считать Средиземное море своим. Муссолини грезил о возрождении Римской империи, для которой Средиземное море было внутренним озером, а для Британии это была магистраль в Суэцкий канал и дальше в Индию.

Но главной мишенью фашистов были, конечно, советские корабли. 30 октября 1936 г. — 9 апреля 1937 г. был задержан 81 советский корабль, к июлю 1937 г. потоплено 3 советских корабля. В августе 1937 г. «неизвестные подводные лодки» разбушевались еще сильнее. Они атаковали 17 нейтральных судов, в том числе 7 британских, топили суда не только в испанских территориальных водах, но и в Эгейском море и даже у Дарданелл.

Итальянские подводные лодки атаковали суда без предупреждения и не помогали спастись командам потопленных судов. В ночь на 1 сентября итальянцы торпедировали английский эсминец. В следующие два дня они утопили английский танкер и три советских парохода. За первую половину сентября еще шесть британских кораблей были атакованы в Средиземном море. Это было уже слишком.

Великобритания и Франция предложили заинтересованным сторонам провести конференцию по этому вопросу. Италия отказалась, СССР и Испанская республика решили участвовать, чтобы разоблачить итальянских пиратов[1503].

14 сентября 1937 г. в Нионе было подписано соглашение, по которому британскому и французскому флотам поручалось поддержание безопасности судоходства в Средиземном море, при содействии других желающих держав. Их кораблям разрешалось топить подводные лодки, которые атакуют торговые суда. Но СССР не планировал участвовать в патрулировании — у него не было баз в этом регионе. Создать базу на территории Испании Сталин не решился, чтобы окончательно не оттолкнуть Францию советским военно-морским присутствием в непосредственной близости от Марселя.

Агрессор назван не был, что вскоре позволило Италии... присоединиться к патрулированию. Соответствующее соглашение было подписано 30 сентября. Англо-французская эскадра не заходила в итальянскую зону ответственности, где флот Муссолини «искал» собственные подводные лодки.

Для обеспечения Ниона было выделено 35 английских и 25 французских эсминцев[1504]. Через два дня после подписания Нионского соглашения Великобритания и Франция заявили, что раз их флот будет занят поиском подводных лодок, он прекращает патрулирование испанского побережья.

3 октября 1937 г. был атакован британский эсминец. С января 1938 г. возобновились систематические потопления нейтральных, в том числе британских судов.

Министр иностранных дел Великобритании Э. Иден маневрировал между СССР и фашистскими государствами, стараясь удерживать равновесие сил. Он стремился к тому, чтобы война увенчалась созданием в Испании правительства либерально-консервативной коалиции. Если бы СССР не согласился на это, то Иден считал возможным добиться той же цели в согласии с Италией и Германией[1505]. Одна загвоздка — ни Франко, ни Гитлер, ни Муссолини не собирались идти на уступки в испанском вопросе, считая, что время работает на них (а с мая 1937 г. по осень 1938 г. это действительно было так). В итоге Идену осталось придерживаться классического невмешательства, то есть осторожного сдерживания фашистского вмешательства в Испании.

20 февраля 1938 г. Иден ушел в отставку, и его сменил один из адептов умиротворения Э. Галифакс. После этого премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен взял курс на масштабные уступки Германии, включая и «сдачу» Испанской республики.

Однако результаты перемен в Лондоне не могли сразу проявиться на Пиренеях. Дело в том, что для Франко и Муссолини было принципиально важно перекрыть морские пути поступления помощи Республике, и в этой своей борьбе они зашли слишком далеко, продолжая топить британские суда. Британский представитель был отозван из Бургоса. Скандал достиг таких масштабов, что возникла «угроза» возвращения Идена. Чтобы сохранить лицо, Чемберлену пришлось выжидать. Только в июле Франко обратился к Чемберлену с заискивающим письмом, после которого Лондон счел конфликт исчерпанным, и смог повернуться лицом к Бургосу[1506].

16 апреля 1938 г. был подписан англо-итальянский договор о дружбе и сотрудничестве, по которому Италия согласилась на вывод войск из Испании за признание своих прав на Эфиопию. Но при этом с согласия Великобритании Италия не обозначила сроков вывода войск. Муссолини обещал в конце концов (то есть по окончании Гражданской войны, которое Дуче ждал через месяц) вывести свои войска из Испании кроме Балеарских островов, где планировал создать итальянскую базу.

Англо-итальянское соглашение вызвало неприятные чувства в Париже. Туманный Альбион опять решил свои проблемы за счет партнера, согласившись на создание итальянской военной базы в самом «подбрюшье» у французов, между Марселем и Алжиром.

Но вместо того, чтобы осознать опасность «невмешательства» для военно-политических интересов самой Франции, парижские политики решили задобрить Лондон, а через него и Рим, еще теснее привязавшись к колеснице «умиротворения». Литвинов докладывал Сталину 29 мая о том, что партнеры взяли курс на изоляцию СССР ради сближения с Италией: «Английское и французское правительства считают нынешнее положение в Лондонском комитете камнем преткновения для дальнейшего развития своих переговоров с Италией и ослабления оси Берлин-Рим... Я указал сегодня английскому поверенному в делах на странное понятие Галифакса и Бонне о сотрудничестве. Они согласовывают между собой и с представителями фашистских стран определенные схемы, и нам предлагают к ним присоединиться, — и это называется сотрудничеством»[1507]. Один из отцов политики коллективной безопасности Литвинов, с болью воспринимавший ее распад, пытался таким образом показать, что война в Испании мешает отношениям СССР и Запада. Но этим отношениям мешала не война в Испании, а политика умиротворения в принципе (препятствием для проведения которой была Испания).

Политика умиротворения была не просто интригой западных элит, она соответствовала настроениям общества. Эренбург рассказывал: «Многие из левых интеллигентов, хотя они и кричали с другими: „Долой невмешательство!“ — слушая рассказы о Мадриде, о Гернике, про себя думали: „Все-таки хорошо, что у нас мир! До Мюнхена было уже недалеко...“»[1508]. Негрин тщетно добивался у французов военной помощи. Максимум, что они были готовы сделать для Республики — это иногда пропускать советскую помощь.

События в Испании развивались параллельно с нарастанием кризиса в Центральной Европе. 9 марта 1938 г. Франко начал наступление в Арагоне, 10-11 марта был осуществлен Аншлюс Австрии, приковавший к себе внимание мировых держав.

13 марта к власти во Франции вернулся Л. Блюм — сторонник политики «невмешательства» в ее изначальном смысле. Столкнувшись с тем, что равновесие в Испании нарушено в пользу франкистов, 17 марта он открыл границу для скопившихся на юге Франции грузов, предназначенных республиканцам (фактически они просачивались уже с октября 1937 г., но теперь помощь пошла быстрее). Эта мера оказалась запоздалой.

Переход от «невмешательства» к более радикальной фазе «умиротворения» нес прямую угрозу не только Испанской республике, но и СССР, причем далеко не только на испанском направлении. Со ссылкой на итальянских дипломатов советские разведчики сообщали в мае-июле 1938 г., что не позднее января 1939 г. на СССР будет произведено нападение широкой коалиции от Великобритании до Японии. При этом основной удар будет нанесен Германией через территорию Польши[1509]. Сейчас эти сообщения выглядят фантастически, но некоторые их детали затем подтвердились — прежде всего о соглашении Британии и Германии при решении «чешского» и «испанского» вопросов, о полном подчинении Чехословакии Берлину. Также разведка заранее сообщила, что создание коалиции тормозится из-за затяжки в решении «испанского вопроса»[1510]. Скорее всего, информация (дезинформация) итальянцев отражала надежды Муссолини, которые сбылись лишь отчасти и приватно обсуждались с немецкими и британскими кругами. Даже если эта информация была частично верной (а считать так у советских руководителей были все основания), СССР был кровно заинтересован в продолжении сопротивления Республики.

Пока она боролась, откладывалось решение «советского вопроса».

При этом после поражения в Арагоне начинается период, когда республиканские заявки на советские поставки удовлетворяются медленно или не удовлетворяются вовсе. Этот период длится с апреля до ноября-декабря 1938 г., когда Сталин, по выражению Ю. Рыбалкина, «сменил гнев на милость»[1511]. Впрочем, это не значит, что в апреле-ноябре 1938 г. «операция X» замораживается полностью, хотя с марта 1938 г. проводится в кредит (в августе Испания гасит задолженность перед СССР, что, впрочем, привело к исчерпанию золотого запаса, ранее вывезенного в СССР)[1512]. Однако факт спада помощи в апреле-ноябре 1938 г. был вызван не мифическим «гневом» Сталина, а куда более прагматическими обстоятельствами — нужно было протолкнуть уже выделенную помощь в Испанию, а затем приготовиться к событиям, назревающим в Центре Европы. Здесь становилось «жарко», и Испания окончательно отошла на задний план. Но СССР вовсе не был намерен отказываться от Республики как запасной фигуры — ведь она продолжала сковывать Италию и тем срывать план создания широкой антисоветской коалиции.

Франция тоже продолжала колебаться, и это сказывалось на ритме поставок. Характерно, что, несмотря на падение правительства Блюма в апреле, правительство будущего «мюнхенца» Э. Даладье продолжает проталкивать советские вооружения через границу до 13 июня. То есть до этого момента новые поставки не имели смысла, ибо становится очевидно — французы вот-вот снова закроют границу, когда переправят то, что накопилось. Относительная «пауза» в советских поставках фактически сужается до июля-ноября 1938 г., и связана как с позицией Франции, так и с кризисом в Центральной Европе.

«Партия войны» против капитулянтов

В конце 1937 г. майская коалиция могла наслаждаться ощущением политических и военных успехов. Однако уже в начале 1938 г. стало ясно, что Теруэльская операция обернулась поражением, и настало время «искать виноватых». В начале 1938 г. майская коалиция раскололась, и новым объектом атаки стал Прието.

Во второй половине 1937 г., как отмечали советские специалисты, Прието предпринимал усилия «по упрочению своего влияния: сначала соцпартия, где процесс вышибания кабальеристов из местных организаций почти закончен, затем профсоюзы, где после создания нового исполкома УГТ дело Кабальеро можно считать проигранным. Теперь — политическое руководство армии, которое он имеет основание рассматривать как кабальеровское наследство и потому он не доверяет»[1513]. Но Прието не мог подкрепить свои политические успехи военными. К тому же даже после победы над кабальеристами он не контролировал ИСРП из-за противоречий с фракцией сторонников союза с коммунистами и СССР (Альварес дель Вайо и другие)[1514], за которыми стоял и сам Негрин.

«Действительным вопросом, стоявшим за полемикой между Негрином и Прието, который никто из них не затрагивал, была опека Советского Союза, выражавшаяся, помимо прочего, в огромном влиянии коммунистов. Будучи главным действующим лицом в деле отправки золота в Москву, Негрин оказался неисправимо связан последствиями этого и без колебаний

последовал за политикой Сталина и коммунистов, в которых он видел, или хотел видеть, гарантию победы того, что он называл „основой свободы и демократии“. Загадка, созданная вокруг его поведения, в большой степени искусственна, как и другие, связанные с войной. Негрин просто вел себя последовательно в рамках создавшейся ситуации и в разных случаях выражал свою горячую приверженность Сталину и коммунистам...»[1515], — пишет испанский историк Л. Пио Моа. Эта распространенная точка зрения является несколько упрощенной. Между Негрином и коммунистами существовало небезосновательное недоверие. Тем более наивно считать, что Негрин был как-то «повязан» передачей испанского золота — ведь золото передавалось официально в счет оплаты поставок вооружений и с ведома Ларго и Асаньи — вовсе не столь лояльных. Так что А. Виньяс прав, когда возмущается: «Негрину, в частности, изображают марионеткой КПИ, или, еще хуже, кремлевских деятелей»[1516]. Но и обратное — Негрин как самостоятельный, свободный от коммунистического влияния политик — тоже неверно. 4 июля 1938 г. Негрин писал Бланко: «Несмотря на то, что в качестве председателя Правительства я мог бы налагать вето на кандидатуры, предлагаемые моими коллегами, я привыкаю не делать замечаний, даже в том случае, когда это назначения в Совет министров»[1517]. Бланко, конечно, знал, что при его собственном назначении решающим был голос не НКТ, а Негрина. Однако высказывание Негрина не было простым кокетством, тем более, что дискуссия возникла из-за назначения коммуниста Э. Кастро. Если кандидатуру предлагала КПИ, Негрин не мог возражать.

Как считает историк У. Гарсиа, «растущая изоляция Негрина постепенно усиливала его зависимость от „партии войны“, несмотря на его попытки освободиться от этого неудобного союзничества. Зная о том, что связь с Испанской коммунистической партией увеличивает его непопулярность, в начале декабря Негрин предложил слить все партии республиканского толка в некий „народный фронт“. Эта запоздалая попытка покончить на раз с пресловутой раздробленностью испанских левых провалилась в результате единодушного отказа партий»[1518]. Но мнение партий — дело поправимое. Собственно, нужно было согласие одной партии — КПИ, а от остальных можно было включить «прогрессивные крылья», как это делалось в Восточной Европе десятилетие спустя.

А. Виньяс считает союз Негрина и коммунистов ситуативным. Но без этого союза Негрин не мог оставаться у власти. «Коммунисты и Негрин (вместе с сектором ИСРП) шли вместе в течение долгого времени, веря в способность усиленной Народной армии к сопротивлению и в то... что обстоятельства на международной арене в последний момент помогут делу Республики. По мере ухудшения ситуации возрастала тенденция коммунистов к упорному сопротивлению. Когда разница в стратегии КПИ и Негрина стала очевидной, последний попытался главным образом спасти как можно больше республиканцев. То, что стратегия совпадала только временно, подтверждает, помимо прочего, намерение Негрина обойтись без коммунистических министров и командующих, если брешь будет заполнена демократиями»[1519].

В Москве замечали некоторую двойственность в поведении Негрина. Он дружил с коммунистами нехотя. В случае гипотетической победы республики Испания оказывалась в том же положении, что и «народные демократии», в том числе не занятые советскими войсками. При дальнейшем расширении власти коммунистов Негрину и Асанье пришлось бы выбирать между судьбами Э. Бенеша и П. Грозу. Однако под давлением Великобритании и

Франции республика могла остаться в западном лагере. Вот это положило бы конец власти Негрина, который уже скомпрометировал себя в глазах Запада слишком тесным сотрудничеством с коммунистами. Аналогично, Негрин терял власть в случае компромисса с Франко, хотя и сохранялся как лидер прокоммунистического блока или одной из мелких социалистических фракций. Таким образом, в случае сохранения Республики Негрину снова пришлось бы выбирать между политической маргинализацией и прокоммунистической политикой. Судьба связала его политический успех с коммунистами. И только крах Республики освободил его от этих оков (впрочем, и от членства в ИСРП тоже — из своей партии Негрин был исключен в 1946 г. за прокоммунистическую политику периода Гражданской войны).

«Казалось, Испания обрела своего Шарля де Голля, но не сохранила и потеряла»[1520], — ищут место в истории для своего героя историки А. Виньяс и Ф. Эрнандес. Это — удачное сравнение, но не в связи с их государственной деятельностью, а с обстоятельствами более важными для судеб Негрина и де Голля. Де Голль в 1944 г. вернулся во Францию в обозе союзников. У Негрина не нашлось союзников, которые побили бы за него Франко и вернули его на родину в 40-е годы. Но известно, что после Второй мировой войны судьба Франко висела на волоске из-за перипетий Мировой и «Холодной» войн. Так что у Негрина и в эмиграции оставался шанс стать де Голлем. Но зависело это уже не от испанцев.

Политическая судьба Негрина зависела от внешних обстоятельств — даже если бы Республика устояла до начала Второй мировой войны. От него самого зависело уже совсем мало, но это малое было важно — сколько месяцев в 1939 г. продержится Республика.

Негрин не был готов сражаться до последнего патрона, но собирался держаться, сколько получится. Прието решил, что сражаться дальше бессмысленно, и потому сам уже не держался за место в правительстве. Военный министр выступал за скорейшие мирные переговоры с противником. Его поддержал президент Асанья[1521]. Против выступили коммунисты и Негрин. На улице шли манифестации коммунистов, негринистской части ИСРП, ВСТ и НКТ против капитулянтов за «правительство войны». НКТ после колебаний сделала свой выбор, выступив против Прието вместе с коммунистами.

После очередной атаки на Прието на массовом коммунистическом митинге 27 февраля, где Д. Ибаррури прямо обвинила его в поражениях, 1 марта Прието написал заявление об отставке. Однако Негрин колебался. Казалось, Прието нечем заменить, кроме коммунистов. А КПИ не была готова взять на себя всю ответственность за войну вместе с постом военного министра. 6 марта Диас заявил, что КПИ готова поддержать Негрина, если он сам готов разорвать с капитулянтами.

Начавшееся сражение за Арагон заставило отложить принятие решения, но лишь усугубило проблему. Новое поражение окончательно лишило Прието веры в успех дела, о чем он прямо говорил на заседании правительства 29 марта, после которого подал в отставку 30 марта.

Начался новый правительственный кризис. Асанья, собрав представителей партий для консультаций о новом правительстве, снова стал обсуждать возможность соглашения с

Франко. Тогда Диас заявил президенту, что он начинает «злоупотреблять своей властью»[1522], обсуждая вопрос о заключении мира. Президенту указали его место — не он будет решать вопрос войны и мира, а будущее правительство.

В сложившихся условиях Сталин предпочитал отвести компартию в тень, сохранив за ее членами теневые посты (на уровне заместителей), сделав фасад Республики более социал-демократическим. Но испанские коммунисты предпочитали остаться в правительстве, а Эрнандес, узнав об «основном совете» Москвы, разочарованно сказал: «Это означает потерять все»[1523]. 20 марта Сталин согласился на то, что коммунисты могут остаться в правительстве[1524].

* * *

В условиях наступления франкистов НКТ все же решила пойти на сближение со своими оппонентами. 15 марта было подписано соглашение о сотрудничестве НКТ и ВСТ и создан комитет связи (переговоры о его создании не прекращались все предыдущие месяцы[1525]). В апреле 1938 г. был заключен пакт о сотрудничестве между НКТ и ВСТ, который предполагал «признание, что коллективы должны получить законные формы и что, таким образом, узаконение вопроса необходимо, чтобы установить, какие из них могут продолжать существовать, условия их существования и работы, и в каких вопросах государство может иметь в них право слова». Согласие коллективов на дополнительную легализацию обуславливалось оказанием им государственной помощи. Предусматривалось планирование всего испанского хозяйства Национальным комитетом экономики, введение минимальной зарплаты, зависимость зарплаты от количества и качества труда[1526]. В обмен на признание НКТ государственного планирования промышленности ВСТ обязался поддерживать рабочий контроль и препятствовать насильственному роспуску коллективов[1527].

Объясняя необходимость соглашения со вчерашними противниками, газета НКТ «Земля и воля» писала: «Те, кто разделяет идеи Бакунина и те, кто разделяет идеи Маркса, объединились сегодня и будут объединены завтра, чтобы спасти народ Испании и его революцию... Но между диктатурой и свободой, между государственной централизацией и прямым объединением людей — огромная дистанция...»[1528].

Отношения с государственниками продолжали вызывать разногласия в руководстве НКТ. П. Тольятти относил к сторонникам единства М. Васкеса и О. Прието, а к противникам — каталонских лидеров НКТ, Гарсиа Оливера, Монтсени и Лопеса. По данным коммунистов ФАИ саботировала через свои ячейки работу «коллорационистской» группы Васкеса. Но и Васкес не допускал проникновения коммунистов в НКТ[1529], так что разногласия двух крыльев либертарного движения были чисто тактическими.

В тяжелых условиях 1938 г. пакт с ВСТ стал все же успехом анархо-синдикалистов. ВСТ, контролируемый марксистскими партиями, был вынужден признать коллективизированную собственность и необходимость оказания коллективизированным предприятиям финансовой помощи. Устами ВСТ режим признал синдикалистский сектор экономики, против которого

несколько месяцев назад вел настоящую войну. Коммунистам нужен был союз с НКТ, поскольку анархо-синдикалисты по-прежнему пользовались большим влиянием на рабочих. П. Тольятти писал: «Профсоюзы, принадлежащие к Национальной конфедерации труда, в частности их низовые организации, были более активны, нежели профсоюз ВСР и больше интересовались нуждами масс»[1530].

Новый правительственный кризис поставил анархо-синдикалистов в трудное положение — любая позиция в этом конфликте заставляла их поддержать вчерашнего противника. Среди лидеров НКТ и ФАИ все заметнее проявлялись разногласия по поводу перспектив войны. О. Прието и С. Бланко считали, что военным путем победить франкизм уже не удастся. Категорически против этой позиции выступили Х. Доменек и поддерживавший в это время политику Негрина М. Васкес. О. Прието заявил, что республика превратилась в игрушку СССР и что военное превосходство Франко скоро позволит ему диктовать свои условия. Поэтому мирные переговоры необходимы уже сейчас. Х. Доменек в ответ нарисовал романтическую картину: «война не закончится, пока живо древо Каталонии и хотя бы один член ФАИ, стоящий перед ним»[1531]. 1 апреля НКТ, ФАИ и Федерация либертарной молодежи вошли в Народный фронт и призвали к мобилизации 100000 новых добровольцев в республиканскую армию.

В апреле 1938 г. было создано Либертарное движение Испании (НКТ-ФАИ), включившее в себя НКТ, ФАИ и Федерацию либертарной молодежи.

НКТ согласилась войти в правительство Негрина. Негрин выбрал в качестве министра образования и здравоохранения кандидатуру Сегундо Бланко из предложенного НКТ перечня (впоследствии министр НКТ тяготел скорее к Негрину, чем к Конфедерации[1532]). Но его присутствие в правительстве помогло ограничить репрессии против анархо-синдикалистов[1533].

Право премьера выбирать, кто будет представлять либертарное движение в правительстве, возмутило лидеров ФАИ. Несмотря на это, сама ФАИ не отказывалась от теснейшего сотрудничества с правительством. 8 апреля Иберийский комитет ФАИ направил письмо министру юстиции, в котором говорилось: «После ее (федерации — А. Ш.) вступления в Народный фронт Испании и Народный фронт Каталонии считаем принципиальной обязательную необходимость нашего представительства во всех структурах, созданных жаром революции и войны»[1534]. За этой витиеватой формулировкой — стремление к усилению своего присутствия в государственных структурах республиканской Испании.

Теперь, после ослабления анархо-синдикалистов и отставки Прието, коммунисты могли не скрывать своих стратегических намерений, во всяком случае внутри страны. 23 марта передовица «Мундо обреро» провозгласила перспективу борьбы вплоть до коммунистической революции[1535].

* * *

6 апреля было сформировано новое правительство Негрина без приетистов. Но на этот раз правительство формировали не партии и организации коалиции, а лично Негрин, подбиравший в свою команду политиков разной окраски. Негрин ушел с поста министра финансов и занял пост министра обороны. Близкий к нему П. Гомес возглавил министерство внутренних дел. Человеком Негрина давно стал и Альварес дель Вайо, близкий также к коммунистам — он занял важный пост министра иностранных дел. Республиканцы А. Велао и Б. Хинер де лос Риос заняли соответственно кресла министров общественных работ и связи и транспорта. Каталонский националист Айгуаде продолжил занимать пост министра труда, Ирухо и Хираль остались в правительстве без портфеля. В правительство вошел анархо-синдикалист Бланко, который стал министром образования и здравоохранения. Представитель ВСТ Рамон Гонсалес Пенья занял пост министра юстиции. Министры этого кабинета, принадлежавшие к разным партиям и организациям, принадлежали на деле к «партии Негрина» — «последовательно проводили политику правительства, несмотря на пропасть, которая ширилась между последним и взглядами их соратников по партии»[1536]. Исключение составляли коммунист Урибе (сельское хозяйство) и представители национальных меньшинств, следовавшие политике своих организаций. Однако националисты потеряли реальное влияние — у басков не было территории, а Эскерра потеряла власть в Каталонии. Таким образом, формально коалиционное правительство Негрина, которое с виду опиралось на целую сеть структур Народного фронта, висело в воздухе (аналогичный процесс происходил с российским Временным правительством А. Керенского осенью 1917 г.). На определенных условиях Негрина поддерживала лишь одна влиятельная сила — КПИ.

В целом режим Негрина уже вполне можно характеризовать как мягкую форму авторитаризма, причем не только на уровне правительства, но и на местах. Как сообщал П. Тольятти, «в каждой провинции наблюдалась тенденция к созданию небольшого государства в государстве и к подчинению масс местным властям административными мероприятиями путем устранения всяких форм демократии»[1537]. Гражданское общество было ослаблено, хотя и не разрушено, но продолжало протестовать против каждого нового шага по усилению автократии. Власти уже могли игнорировать большинство таких протестов или характеризовать их как «капитулянтство» (универсальное клеймо тех дней).

16 августа 1938 г. правительство покинули Айгуаде и Ирухо — они не выдержали наступления Негрина на права автономий, прежде всего — установление центрального контроля над военной промышленностью Каталонии. Возмущение автономистов и даже Асанья вызвали и другие меры, направленные на усиление власти военного министерства, а также намерения премьера провести казни диверсантов и шпионов (не было уверенности, что все подозреваемые были действительно виновны). Негрин угрожал отставкой, если его предложения не будут утверждены, Асанья склонялся к тому, чтобы поручить формирование правительства Бестейро, но под давлением коммунистов отказался от этого шага, означавшего курс на капитуляцию. Действительно, было уж совсем глупо менять курс в этот момент, когда был неясен исход сражения на Эбро и европейского кризиса вокруг Чехословакии.

С согласия Москвы коммунисты с апреля 1938 г. довольствовались одним местом в правительстве, чтобы не раздражать Запад. Правда, с августа Каталонию в кабинете

представляла ОСПК. А вот в силовом блоке коммунисты продолжали удерживать важные позиции — в офицерском и комиссарском корпусе. Они фактически руководили военным министерством, коммунист М. Фернандес возглавлял корпус карабинеров. Однако Негрин заботился о том, чтобы СИМ осталась под его контролем. С середины 1938 г. «взаимодействие НКВД с испанскими службами... начало разлаживаться»[1538]. Это говорит о том, что Негрина волновали перспективы «народной демократии», что не значит, будто Негрин готовился именно к схватке с коммунистами. Его по-прежнему устроило бы слияние КПИ и ИСРП в одну партию. Но он предпочитал возглавить эту партию, а не быть исключенным из нее после победы. А для этого не мешало иметь силовые козыри. Союз Негрина и коммунистов не был основан на доверии, но их стратегия была предельно близкой. Они стремились к созданию нового государства, где за демократическим фасадом выстраивается сильное правительство, опирающееся на силовые структуры. В то же время и «партия мира» пока сохраняла влияние. Негрин учитывал это, но его «мирные инициативы» в это время не были рассчитаны на отклик с другой стороны фронта.

1 мая 1938 г. Негрин выступил с 13 пунктами программы правительства. Документ уже не исходил из неизбежности военной победы и предлагал решить вопрос о послевоенном устройстве Испании путем плебисцита. Правительство гарантировало право частной собственности и обещало компенсации иностранному капиталу. Негрин предлагал отказаться после войны от репрессий. По существу эта позиция стала первым предложением компромисса Франко, сделанным в завуалированной форме. Впрочем, среди пунктов были заведомо неприемлемые для Франко: провозглашение Испании народно-демократической республикой, аграрная реформа, свобода совести и др. Эту речь, как и дальнейшие инициативы подобного рода, Франко оставил без ответа. Он видел, что время работает на него. Так было всегда, кроме короткого периода Чехословацкого кризиса.

Эбро и Чехословакия

Перегруппировавшись и получив новую порцию помощи, республиканцы попытались взять реванш. В 2 часа 15 минут 25 июля армия под командованием Модесто общей численностью около 100 тыс. бойцов приступила к форсированию Эбро, чтобы в случае успеха воссоединить территорию Республики. В директиве Генштаба командующему армии Эбро от 16 июня ставилась задача занять плацдарм с городом Гандеса и, «если обстоятельства будут благоприятствовать, установить наземные коммуникации между районом Каталонии и Центральной зоной». Однако Рохо не очень верил в то, что удастся воссоединить территорию Республики (что только и придавало смысл всей операции) и рассматривал наступление за Гандесу «в качестве второстепенной цели»[1539]. По крайней мере хотелось отвлечь франкистов от Леванта.

Форсирование прошло успешно, хотя «о наступлении красных (республиканцев) фашисты знали, но не знали (это говорили пленные) дня и часа»[1540], — докладывал советник 15-го корпуса Сологуб. Противник был также дезориентирован отвлекающими ударами севернее и южнее основного плацдарма.

Однако чтобы получить шанс на стратегический успех, республиканцы должны были выйти на оперативный простор из излучины Эбро, взяв Гандесу. Передовые части шли стремительно, не задерживаясь на подавлении укрепленных точек противника. Но маневренной войны снова не получилось — основные силы слишком долго переправлялись и штурмовали Аско, Фликс, Фатарелью и Пинель. Как сообщал советник 3-й дивизии 15-го корпуса Якименко, переправу затянула «негодность некоторого количества лодок, в связи с чем пришлось пересматривать и расчет людей», наступление задерживали боязнь переправляться под огнем противника (его подавили не сразу), медленная переправа боеприпасов и слабая поддержка своей артиллерии[1541]. При этом республиканская авиация была переброшена в район сражения только через неделю после начала наступления[1542], что затруднило подавление огневых точек противника и переправу боеприпасов. Из-за действий авиации противника она шла только ночью. При появлении авиации противника республиканцы останавливались и укрывались в складках местности. «А так как самолеты фашистов почти непрерывно находились в воздухе, то на движение оставалось мало времени»[1543], — говорилось в советском анализе операции.

В результате 26 июля франкисты успели «организовать систему огня, произвести укрепления и подтянуть новые силы»[1544], отстоять Гандесу и запереть республиканцев на небольшом пятчке в излучине Эбро. Республиканцы сумели захватить лишь небольшой горный плацдарм, вокруг которого развернулось ожесточенное сражение, длившееся до 14 ноября. Авиация и артиллерия франкистов перемалывали здесь республиканцев, которые мужественно сражались за каждый холм против 230 тысячной армии противника. «Бои были настолько упорные, что было бы напрасно искать подобных во всех прошлых боях настоящей кампании. Штаб мятежников считал большой для себя победой, если фашистские части в течение дня брали 1-2 высоты. Вся тактика и все искусство Франко сводилось лишь к тому, что ценой громадных расходов снарядов и авиабомб он стирал все траншеи и сооружения защитников, и когда последние уходили, его пехота занимала „новую“ территорию.

Правда, первое время он еще пытался после артподготовки и авиабомбежки посылать в атаку свои части, но после первых горьких неудач, стоивших ему громадных потерь, и после ряда неповиновения своих частей, отказавшихся идти в атаку, он почти полностью перешел на метод „стирать огнем все живое“... Это был кульминационный пункт падения престижа Франко»[1545], — говорилось в анализе операции, подготовленном в Генштабе РККА. Франкистский кулак, как видим, тоже был глиняным. И в условиях непредсказуемой международной ситуации судьба Испании еще не была предрешена.

Несмотря на то, что битва на Эбро была позиционной, она требовала от обеих сторон огромного напряжения сил. Это касалось и союзника Франко Муссолини, который уже в августе ощутил, что фашисты в Испании находятся на пределе своих возможностей. Муссолини, недовольный пассивностью действий Франко, сказал Чиано: «Запиши в своем дневнике, что сегодня, 29 августа, я предсказываю поражение Франко... Красные — это бойцы, а Франко-нет»[1546].

«До сентября 1938 г. республиканцы чувствовали, что ситуация еще может повернуться в их сторону, и были готовы проиграть все битвы, кроме последней. Тем не менее, несмотря на

все усилия республиканцев, они не смогли собраться с силами в таком важнейшем столкновении, как битва при Эбро, несмотря на то, что Союз в этот раз, как в целом после Мюнхена, действовал очень быстро»[1547], — комментирует ситуацию А. Виньяс. На Эбро действовало оружие, переправленное через французскую границу еще «до Мюнхена», в апреле — июне. Уже в августе стало ясно, что республиканское наступление выдохлось, и дальнейшее сражение является моделью Первой мировой войны, борьбой на истощение. В то же время произошло резкое ужесточение пограничного режима, связанное с мюнхенским дрейфом политики Даладые. И, наконец, оружие было нужно самому Сталину — он начинал игру с Чехословакией, тогда еще куда более перспективную, чем зашедшее в тупик испанское противостояние. Именно вовлеченность СССР в чехословацкие дела является важнейшим объяснением тайм-аута, который Сталин взял в Испании. Исход Чехословацкого кризиса автоматически повлиял бы и на ситуацию в Испании. В известном смысле судьба Испании в это время и решалась в центре Европы.

В случае военного конфликта между Великобританией, Францией, Германией и Италией стороны испанского конфликта автоматически превратились бы в участников большой войны. Это значит, что французы могли послать войска в Каталонию, что резко ухудшило бы положение Франко. В сентябре 1938 г. мир висел на волоске. Гитлер угрожал войной Чехословакии. Великобритания и Франция были связаны с последней союзническими обязательствами. СССР выражал готовность помочь Чехословакии. Если бы СССР, Франция и Великобритания стали бы военными союзниками, политика невмешательства немедленно умерла бы[1548].

12 сентября поверенный в делах при Франко докладывал в Берлин, что в Бургосе считают: европейская война сделает невозможной победу над Республикой. Франко приступил к срочному строительству укреплений на границах с Францией в Пиренеях и в Марокко. Гитлер держал Франко в неведении относительно своих планов, что вызывало нервную реакцию со стороны испанского союзника, интересы которого не принимались в расчет. Более того, Франко сообщил в Лондон, что в случае начала войны он сохранит нейтралитет[1549]. Информация об этом вызвала недовольство Фюрера и Дуче. Даладые обещал не трогать Испанию в случае войны[1550]. Но это — до начала вооруженного столкновения. А в случае реальной войны отношение Франции к фашистскому режиму в своем тылу вряд ли осталось бы столь же благожелательным. Германии и Италии пришлось бы найти лучшее применение войскам и оружию, которое пока направлялось в Испанию. Тем более, что в случае начала европейской войны Великобритании и Франции пришлось бы договариваться с СССР, и Франко был бы хорошей разменной монетой. В лучшем для него случае Великобритания, Франция и СССР согласились бы на создание нейтральной Испании на основе компромисса.

* * *

26 сентября Чемберлен вынужден был предупредить Гитлера — если он вторгнется в Чехословакию, Франция и Великобритания объявят Германии войну. В ответ в своей очередной речи Гитлер разразился проклятьями в адрес Чехословакии и не оставил сомнений у мира — фюрер Германии готов к нападению. Несмотря на крайнее возбуждение,

Гитлер не забыл поблагодарить Чемберлена за миротворческие усилия и напомнить: «Это мое последнее территориальное притязание к Европе»[1551].

Как ни подсчитывай соотношение сил, «1 октября 1938 года Германия была не готова вести войну против Чехословакии, Англии и Франции одновременно, не говоря уже о России. Развязав войну, Германия быстро бы ее проиграла, и это стало бы концом для Гитлера и третьего рейха»[1552].

Чемберлен не оставлял надежд спасти мир. Мотивы западной политической элиты, стремившейся к компромиссу с нацизмом, Чемберлен изложил в своей речи вечером 27 сентября: «Страшно, невероятно, невыносимо! Мы роём траншеи... здесь... из-за спора, разгоревшегося в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем...»[1553] Полезно больше знать о людях, судьбы которых берешься решать. Еще раньше «великие люди» пытались решать судьбы Испании, тоже не понимая, какие силы столкнулись на ее земле.

Отвечая на категорические требования Гитлера, Чемберлен заявил: «Я не поверю, что из-за задержки на несколько дней решения давно возникшей проблемы вы возьмете на себя ответственность начать мировую войну, которая может привести к гибели цивилизации»[1554]. Даже непродолжительная война в Европе могла, по мнению Чемберлена, привести к гибели неустойчивого порядка вещей, который Чемберлен считал цивилизацией. Муссолини говорил своему министру Чиано: «Англичане не хотят воевать. Они стараются отступить, отступить как можно медленнее, но не воевать»[1555].

Испания, опыт которой стоял перед глазами европейских политиков, позволяла им извлекать из событий те уроки, какие они хотели. Картина кровавой затяжной войны пугала их. Париж и Лондон не хотели стать Мадридом. Вожди Запада не понимали, что фашизм несет с собой войну неизбежно, просто в силу сущности своей идеологии как национал-тоталитаризма, тотального господства одного этноса над другими по праву силы. А могущественные лидеры, предававшие Испанскую республику, рассуждали о мире в Западной Европе (что означало войну за ее пределами). Если Испания — модель европейского будущего, то оно ужасно. В Испании необходим компромисс — это понимает даже Негрин. Значит, и в Европе необходим компромисс. И пусть фашизм ищет свои жертвы на периферии «цивилизации».

Одновременно и Муссолини, в чьи планы война с сильным противником совершенно не входила, стал уговаривать Гитлера пойти на соглашение с британцами. Откликнувшись на призыв Чемберлена и Рузвельта, Дуче выступил с инициативой новой международной конференции по Чехословакии. Поняв, к чему клонится, французы, которым предстояло воевать на суше, решили превзойти Чемберлена по щедрости за чужой счет. Министр иностранных дел Франции Бонне предложил план, по которому почти все требования Гитлера удовлетворялись немедленно.

В ночь на 30 сентября Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладьё встретились в Мюнхене и поставили свои подписи под соглашением о передаче Судет Германии. Был открыт путь к разделу Чехословакии. Война против фашизма была отложена, и это делало положение

Испанской республики почти безнадежным. Отныне и Франция не намерена была использовать ее как противовес против Италии, отношения с которой быстро улучшились.

После подписания соглашения Чемберлен не отказал себе в удовольствии еще раз побеседовать с Гитлером, предложив ему дальнейшее развитие мюнхенской дипломатии для решения оставшихся в Европе кризисов и проблем, включая проблему Испании и... России. Гитлер подписал предложенное Чемберленом коммюнике, в котором определялось, «что метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран», что позволит «содействовать обеспечению мира в Европе»[1556]. Но использовать Мюнхенский механизм для решения проблемы Испании он не хотел — там хватало «невмешательства», то есть блокады Республики.

2 октября Негрин в радиовыступлении задал вопрос: неужели националисты хотят продолжать войну до полного уничтожения испанского народа? Этот новый призыв к миру повис в воздухе — после Мюнхена у Франко отлегло от сердца, а выступление Негрина выглядело криком отчаяния.

* * *

Единственным успехом «дела мира» в Испании стало соглашение 1 октября о выводе из страны интербригад в обмен на вывод примерно такого же количества итальянских «добровольцев». Обмен был неравноценным, так как при выводе примерно 10 тысяч бойцов с каждой стороны у немцев и итальянцев оставалось еще значительная часть их войск в Испании. Ведь в октябре 1938 г. в Испании оставалось около 36000 иностранных солдат на стороне Франко. Всего «если в лагере франкистов сражалось около 187 000 иностранцев, которые обучали более 80 000 человек, то Республика могла противопоставить в лучшем случае 40 000 и 20 000 соответственно»[1557].

Значение интербригад в 1938 г. снизилось. Тысячи испанцев уже приобрели боевой опыт. Приток новых бойцов в интербригады почти прекратился.

К 27 августа 1938 г. в интербригадах в строю было 15992 бойцов, реально включая больных и раненых — 17–20 тысяч. Всего через интербригады прошло, по разным данным, 30–42 тыс. (скорее около 40000), из них 9000 французов, 3000 поляков, 3000 итальянцев, по 2000–2500 американцев, немцев, балканцев, по 1000–2000 англичан, бельгийцев, чехов, менее 1000 — граждан прибалтийских государств, австрийцев, скандинавов, голландцев, венгров, швейцарцев, канадцев. Было убито 5000–7000 человек, около 500 попали в плен[1558]. В ноябре прошли прощальные парады по обе стороны фронта. Итальянские фашисты остались в стране. Впрочем, вывод интербригад продолжался до февраля, и последним их подразделениям пришлось отступить во Францию под огнем противника.

* * *

У Франко отлегло от сердца. Можно было передохнуть. 8 октября франкисты прекратили атаки на Эбро. Республиканцы решили, что выиграли битву. «Эти успехи вскружили голову командованию армии, возомнившему о своей непогрешимости»[1559]. Пока республиканцы пребывали в беспечности, франкисты готовили ударную группу, подготовленную для штурма господствовавшего над местностью Сьерра де Пандольс. 30–31 октября эта группа в 10–12 батальонов при 200 орудиях взяла эти горы, отбросив части 5-го корпуса Листера. «Кто владел этими высотами, тот является хозяином всей долины на восток и северо-восток от этой возвышенности»[1560].

3 ноября франкисты заняли Пинель и стали двигаться вдоль Эбро, отрезая республиканцев от переправ. В ночь на 4 ноября 5-й корпус переправился за Эбро. «Переправа частей через Эбро проводилась без нажима фашистов, вследствие чего республиканцы потерь не имели, матчасть и боеприпасы вывезли полностью»[1561]. Это было начало поэтапной эвакуации плацдарма.

6—11 ноября республиканцы провели отвлекающий удар, форсировав реку Сегре, но создание этого плацдарма не повлияло на общий ход событий.

На Эбро некоторое время оборону продолжал держать 15-й корпус, но 16 ноября вся обескровленная армия Эбро вернулась за реку. Республиканцы потеряли около 40 тысяч человек. Франкисты — вдвое больше, но у них и человеческие ресурсы были богаче.

Теперь, где бы ни ударил Франко, у республиканцев не было достаточных резервов, чтобы парировать.

Версия #1

Зверобой создал 5 мая 2025 20:57:23

Зверобой обновил 5 мая 2025 21:08:39